

Владимир
КАШКАРОВ

ТАНГО НАД ПРОПАСТЬЮ

Прославленному земляку, легендарному танкисту, Герою Советского Союза подполковнику Семену Васильевичу Коновалову, прошедшему через тяжелейшие испытания и проявившему при этом нестигаемую стойкость и настоящее мужество, посвящается эта книга

УДК
ББК
К31

Рецензент: З.К. Абдуллин, военный консультант, полковник

Кашкаров В.М.

Танго над пропастью. – Чебоксары: «Новое Время», 2021, –... с.

В книге рассказывается о жизненном пути и подвиге, совершенном во время Великой Отечественной войны славным сыном чувашского народа, танковым асом, Героем Советского Союза Коноваловым Семеном Васильевичем. В бою против многократно превосходящих сил врага 13 июля 1942 года в период проведения Воронежско-Ворошиловградской операции экипаж танка KB-1 под командованием Коновалова уничтожил 16 танков, 2 бронетранспортера и 8 автомашин противника.

Издание, в котором изображена уникальность личности прославленного советского танкиста, рассчитано на широкую читательскую аудиторию.

ISBN

УДК
ББК

© Кашкаров В.М., 2021

*Чтите, потомки, воинов павших,
Чтите – их кровь в ваших жилах течет,
Чтите героев – мир отстоявших,
Память о них никогда не умрет!*

К читателям

Показ наиболее важных событий Великой Отечественной войны 1941-1945 годов – это неиссякаемый материал для формирования мировоззренческих устоев подрастающего поколения в современном обществе.

Работая над книгой о Семене Васильевиче Коновалове, мне, прежде всего, хотелось выявить корни героического деяния этого удивительного человека, продемонстрировать моральные и чисто человеческие качества, позволившие ему шаг за шагом приблизиться к совершению подвига в момент наивысшей опасности, нависшей над нашей Родиной.

Судьба Семена Васильевича на протяжении многих лет теснейшим образом была связана со славными традициями наших вооруженных сил, основанными на бескорыстной любви к своей Отчизне. Во многом именно это способствовало формированию внутри него таких отличительных особенностей, как мужество, стойкость, отвага и самообладание. Именно эти уникальные свойственные ему черты характера позволили лейтенанту Коновалову в июле 1942 года принять самостоятельное и единственно верное решение перед лицом опасности, когда его боевая машина противостояла целой колонне фашистских танков. Экипаж танка КВ-1 под его началом не отступил, а дрался до последнего снаряда, остановив дальнейшее продвижение вражеской армады. В последующем он неоднократно совершал самоотверженные поступки для полного изгнания немецко-фашистских оккупантов с территории нашей страны.

Основная задача, стоявшая передо мной в процессе создания этого произведения, состояла в том, чтобы на примере Семена Васильевича Коновалова показать истоки патриотизма и сохранить в памяти будущих поколений героическое прошлое нашей Родины.

Эта книга увидела свет во многом благодаря искренней поддержке и немалой помощи министра экологии и природных ресурсов Республики Татарстан Александра Валерьевича Шадрикова и главы Нурлатского муниципального района и города Нурлат Республики Татарстан Алмаза Салимовича Ахметшина.

НАЧАЛО

Ямбулатово. Исторический аспект

Во второй половине шестнадцатого столетия на территории России возникла такая система административного управления, которая привела к появлению в Поволжском регионе многочисленной прослойки русских помещиков. Эти помещики постепенно начали переводить сюда из центральных районов России своих людей. Наиболее крупными слоями населения стали в тот период ясачные крестьяне, поскольку денежный ясак составлял значительную часть доходов государства. Среди них были и крепостные, и бобыли (одинокое крестьяне), не имевшие земельного надела. Они занимались в основном земледелием, разведением скота, портняжным промыслом. В лесостепных и степных районах заметное место имели бортничество, рыболовство и охота.

В части горной стороны современного Верхнеуслонского района появилось тогда поселение, получившее название Пустошь Кайлеп Малый, который в разных источниках упоминается как Русский Кайлеп. Селение расположилось на берегу реки Сулица. Ее название в переводе с древнеславянского на современный русский язык обозначает копье, дротик. Течение реки ровное и спокойное. Там, где имеются глубинные места, появляются стремнины. Вода в ней светлая. У некрутых поворотов на поверхности кое-где плавают листья кувшинок. Правый берег почти везде возвышенный, а левый – низменный и носит преимущественно луговой характер. В верховьях – безлесье, а в среднем течении появляются заросли ивняка. От этого долина, вытянувшаяся по прямой, становится похожей на копье и приобретает особо живописный вид. Исток Сулицы, где из-под земли бьют родники, находится недалеко от села Майдан. Данное селение, по преданиям, основано еще в давние времена стрельцами, сосланными за неповиновение в здешние края российским императором Петром Первым. Говор среди жителей села до сегодняшних дней сохранился московский – «акающий». Вокруг много оврагов, поросших пышной травой и окаймленных лесами, как кружевами. Один из этих оврагов делит селение на две части. Тут часто дуют порывистые ветры.

Возле Русского Кайлепа Сулица поворачивает на север. Ранее она была самостоятельным притоком Волги, а ныне около деревни Медведково впадает в Куйбышевское водохранилище. Здешняя округа во все времена славилась своей неприятельной красотой. В лесной зоне, как и у Майдана, немало оврагов, и почти каждый из них получил за свои особенности какое-то название.

4 Урочище богато и ягодными, и грибными местами.

Со второй половины семнадцатого столетия селение Русский Кайлеп стало принадлежать свияжскому дворянину Ивану Большому Крестникову. Тогда здесь насчитывалось двадцать один крестьянский и три бобыльских двора, шестьдесят восемь душ мужского пола и двор помещика. С этих пор за деревней уже официально закрепилось название Крестниково.

В двадцатые годы восемнадцатого столетия представитель дворянской семьи Василий Обухов породнился со свияжанином Егором Крестниковым, и деревня Крестниково в качестве приданого перешла к роду Обуховых. В последующем при имущественном делении селением стал владеть сын Василия Обухова – Петр Обухов. В те годы здесь насчитывалось уже 137 душ крестьян мужского и 157 женского пола, а также шесть мужчин и четыре женщины дворовых.

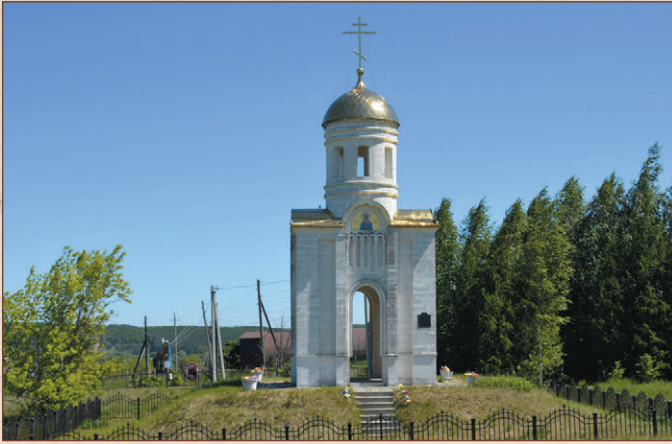
В 1858 году Обуховы продали деревню Крестниково семье грузинского княжеского рода Баратаевых. Глава семьи, предводитель дворянства Михаил Петрович Баратаев, в те годы был человеком известным. Он являлся попечителем Казанского учебного округа. Михаил Петрович был также попечителем и великого русского математика – Николая Ивановича Лобачевского.

В начале двадцатого столетия в Крестникове функционировали ветряная, водяная мельницы и две мелочные лавки. Одна лавка принадлежала мещанину города Спасска Ефиму Петровичу Владимирову, а другая – местному жителю Федору Андреевичу Лидонову. Жители с такой фамилией проживают здесь и ныне.

В середине шестнадцатого века на территории современного Янтиковского района Чувашской Республики близ реки Сугут появилось поселение, получившее название Ямбулатово. По имеющимся сведениям, крестьяне в селении занимались земледелием, животноводством, кузнечным делом и изготовлением валяльной обуви из шерсти. Со временем здесь стали действовать водяная и две ветряные мельницы, а также три крупобирки и две мелочные лавки.

*Улица деревни Ямбулатово
Янтиковского района
Чувашской Республики,
где жили родители
С.В. Коновалова до переезда
в д. Ямбулатово ныне
Верхнеуслонского района
Республики Татарстан. На
месте белого здания (справа
на фото) находился их дом*

*Часовня в с. Шимкусы
Янтиковского
района Чувашской
Республики.*

*В этом селении в 1878
году родилась мать
Семена – Федорова
Акулина Федоровна*

Во второй половине восемнадцатого столетия в селениях государственных крестьян Чувашии стало остро ощущаться малоземелье. Крестьяне, жалуясь на недостаток и «умаление земли», начали переселяться в другие края. Им приходилось оставлять обжитые места из-за неимения земельных наделов, а также сенокосов и лесных угодий. Это веяние не обошло стороной и деревню Ямбулатово. В 1904 году ямбулатовцы почти полным составом переехали на постоянное место жительства в плодородный, небедный край и поселились по соседству с деревней Крестниково, которая в тот период была в составе Ивановской волости Свяжского уезда Казанской губернии. В результате рядом с Крестниковом возникло новое поселение. Переселенцы, сильно тоскуя по родным местам, назвали его по аналогии с материнской – Ямбулатовом. С тех пор два поселения, находящиеся рядом, разделяла только река Сулица.

С 1920 года обе деревни вошли в состав Свяжского кантона Татарской АССР, пока еще не помышляя об объединении.

В тридцатые годы в Крестникове образовалось коллективное хозяйство, получившее имя Владимира Ильича Ленина. В Ямбулатове тоже организовали коллективное хозяйство. Оно стало носить имя Иосифа Виссарионовича Сталина. В 1950 году хозяйства в связи с укрупнением были объединены. С этого времени Крестниково уже полностью слилось с деревней Ямбулатово и утратило прежнее историческое название. Только небольшой деревянный мостик, перекинутый через Сулицу посередине, как пограничный столб, указывает теперь, что здесь когда-то была окраина Ямбулатова. Об этом до сих пор хорошо помнят старожилы деревни. Единственная улица, которая тянется через все поселение, сегодня носит имя уроженца деревни, легендарного танкиста и Героя Советского Союза Семена Васильевича Коновалова.

Улица деревни Ямбулатово Верхнеуслонского района Республики Татарстан, носящая имя отважного танкиста Семена Коновалова

Здесь стоял дом Коноваловых, в котором родился будущий Герой

Коноваловы. Детские и юношеские годы Семена

Коноваловы переехали во вновь образованное поселение Ямбулатово не сразу, а лишь спустя год. Василий Семенович Коновалов, будучи человеком не совсем доверчивым к подобным переменам, торопиться не стал. Он долго размышлял и колебался. Только потом, разузнав и выведав все о жизни ямбулатовцев на Сулице, обстоятельно поговорил с женой о переезде. Акулина Федоровна, супруга Коновалова, была, конечно, не против, но ей было жаль покинуть и обжитые родные места. К тому времени большинство переселенцев успели обосноваться на территории Казанской губернии, уже и не помышляя ни о чем другом.

В течение лета, получив подмогу от родных и местных жителей, Коноваловы успели поставить и подвести под крышу срубленный дом. Обживатьсь начали ближе к осени.

Василий Коновалов с детства был сильно привязан к отцу, который был ветеринаром-самоучкой, или, проще говоря, коновалом. Всю жизнь занимался обслуживанием, лечением домашней скотины не только в своей деревне, но и во всей округе.

Одной из основных обязанностей коновала являлось осуществление кастрации животных, в частности коня. Его нужно было уложить, повалить на землю. Отсюда и пошло: коня валить – коновал. От этого, видимо, произошла и их фамилия – Коновалов. Ведь большинство фамилий в России образовано по крестильному, мирскому имени одного из предков или по роду деятельности и месту происхождения.

Василий Коновалов, помогая отцу, успешно унаследовал от него умение лечить домашних животных и приобрел определенный опыт, хотя не имел соответствующего системного образования по этой части. Здесь же, когда они переехали, не было ветеринаров-ремесленников, и он, по сути, стал единственным специалистом в этом направлении.

Акулина Федоровна Коновалова

Мать Героя и близкие родственники

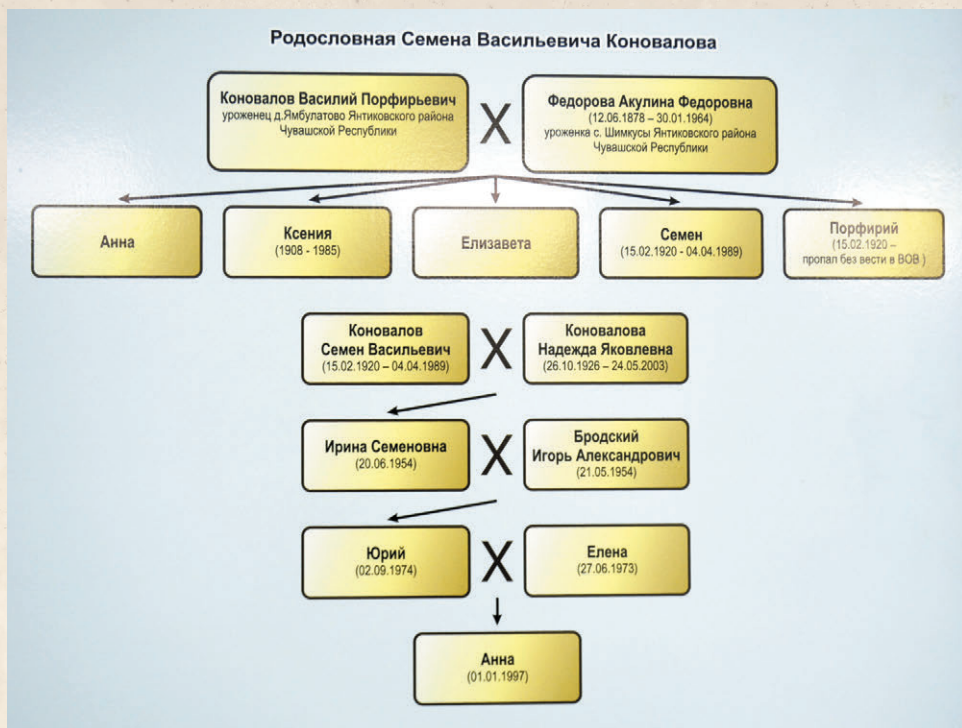
Акулина Федоровна была невысокой и ладно сложенной женщиной. Ее отличали искренность и доброта. Она быстро сумела найти общий язык и с переселенцами из Ямбулатова, и с жителями соседней деревни Крестниково.

Василий Семенович постепенно стал обслуживать и вызовы жителей близлежащих селений. Акулина Федоровна взвалила на свои хрупкие плечи ведение домашнего хозяйства, хотя оно и было не таким большим. Ей одной в основном приходилось заниматься также воспитанием детей. В семье росли одни только девочки – Анна, Лиза и Ксения. 15 февраля 1921 года у Коноваловых, к большой радости отца, появилось мужское пополнение: родились мальчики – близнецы. Их нарекли Семеном и Порфирием.

В семейной жизни все складывалось благополучно, пока в дом не постучалась беда. Однажды Василия Коновалова пригласили осмотреть больную лошадь. Животное повалили на землю, а ноги, полагая, что лошадь из-за болезни сильно ослабла, толком и не связали. Освободившись от пут, лошадь ударила копытом Василию Семеновичу в живот. После этого он тяжело заболел и слег. Получилось, видимо, так, что лошадь он сумел спасти,

а сам через некоторое время от полученной сильнейшей травмы скончался.

То, что случилось с отцом, сильно повлияло на психологическое состояние и поведение детей. С тех пор из-за нарушенного душевного равновесия они частенько становились грустными и задумчивыми. Акулина Федоровна постоянно старалась внушить им мысль о том, что только хорошая учеба в школе поможет в будущем по-настоящему стать на ноги и выбиться в люди. Особые надежды она возлагала на Семена, который чуть позже, став школьником, начал проявлять усердие в учении.

В 1912 году в Ямбулатове открылась земская школа. В деревянном здании, расположенном почти у самой реки, имелись две классные комнаты и маленькая учительская. Преподавание предметов велось на чувашском языке. Учили детей сестры Евгения Семеновна и Юлия Семеновна Николаевы.

В 1930 году Семен Коновалов стал учеником первого класса. Рос он любознательным и был очень аккуратным. За старание в учебе и дисциплинированность его часто ставили в пример другим ученикам. Отличали Семена от одноклассников также умение писать красиво, без помарок и всегда давать полные, исчерпывающие ответы на вопросы, поставленные на уроках 9

учителями. Акулина Федоровна радовалась, когда по итогам года получала из образовательного учреждения благодарственные письма за достойное воспитание сына, который отлично учился и принимал активное участие в общественной жизни школы. Для Семена всегда любимыми предметами были и родной, и русский язык, хотя не менее важными оставались и другие. Еще с начальной школы он стал сильно увлекаться чтением художественных книг. На долгие годы в его памяти остались эпизоды из произведений Аркадия Гайдара и других советских писателей. Особенно нравились ему рассказы и повести о военных людях.

Очень тщательно готовился Семен Коновалов к выпускным экзаменам за курс начальной школы. В итоге по всем предметам получил довольно высокие оценки.

В тридцатые годы из-за проведения коллективизации стал меняться уклад деревенской жизни. Постоянно входило в обиход что-то новое, которое волновало и вызывало особые чувства не только у взрослых, но и у детей. Появились детекторные радиоприемники, первые трактора, грузовики. Такая техника всегда вызывала любопытство и приковывала внимание Семена. Иногда он мог часами наблюдать за необычными машинами.

В 1934 году Семен Коновалов стал учеником пятого класса Майдановской семилетней школы. Здесь ему нравилось все. Бурный восторг вызывали моменты участия в классных и общешкольных мероприятиях. Надолго в душу запало то, как с большим размахом отмечали революционные праздники. Первого мая и седьмого ноября учащиеся вместе с учителями ходили на митинги и демонстрации, прилагая немалые усилия для украшения праздничных колонн. Для него в этой школе необычным было многое: учил не один учитель, а несколько, изучали немало новых предметов, не хватало помещений для занятий, в классах сидели по тридцать пять учеников. Учителя делали все, чтобы дети выросли грамотными и достойными защитниками великой Родины. Запомнились надолго новогодние праздники. Елки украшали только бумажными раскрашенными игрушками и стеариновыми свечами. О подарках, конечно, не могло быть и речи.

В период учебы Семена Коновалова в Майдановской семилетней школе в стране происходили очень важные события. Шла вторая пятилетка, которая предусматривала завершение технической реконструкции всего народного хозяйства и более быстрый подъем благосостояния рабочих и крестьянских масс. Укреплялась обороноспособность страны.

10 13 февраля 1934 года в Чукотском море затонул советский пароход

«Челюскин». На лед успели высадиться почти все пассажиры и экипаж. Один человек погиб. Трагедия в Беринговом проливе всколыхнула всю страну. Тысячи людей рвались спасти экспедицию, которую возглавлял исследователь Севера Отто Юльевич Шмидт. Для спасения людей была использована авиация. Из ледового лагеря на самолетах эвакуировали всех членов экспедиции. Страна высоко оценила подвиг спасателей. Летчик Анатолий Ляпидевский стал тем человеком, который получил звезду номер один Героя Советского Союза. Также героями стали участвовавшие в спасении челюскинцев летчики Николай Каманин, Михаил Водопьянов, Иван Доронин, Сигизмунд Леваневский, Василий Молоков и Маврикий Слепнев.

Дети в Майдановской школе обо всем этом узнали из «Пионерской правды». Для учеников газета специально вывешивалась в коридоре, потому что подписка имела ограничение, и ни у кого ее в доме не было.

Получив известие о героизме советских летчиков, многие мальчишки в советской стране начали грезить о профессии покорителей неба. Для Майдановской школы это также не стало исключением. После полученных новостей Семену захотелось испытать себя в роли воздухоплователя. Он смастерил из подручного материала что-то похожее на аэроплан, как тогда называли в деревнях самолет, залез по лестнице на крышу дома и совершил оттуда «полет». Прыжок с такой высоты чуть не закончился трагедией для тринадцатилетнего подростка. Отделался только ушибами и вывихом ноги, которую Акулина Федоровна сама тут же вправила. Ругать сына она не стала, понимая, что он и так уже наказал себя сам. Просто с укоризной сказала: «Сеня, если что-то начинаешь делать, то нужно хотя бы знать, как это делать!». Эти слова матери, можно сказать, врезались в память на всю жизнь, и в дальнейшем он всегда старался осуществлять задуманное, только тщательно во всем разобравшись и подготовившись.

5 декабря 1936 года в Советском Союзе была принята Конституция, получившая название «Конституция победившего социализма». Принятие этого нового закона в стране было вызвано прежде всего желанием привлечь симпатии международной общественности для совместного противостояния набиравшему силу фашизму. После принятия этой Конституции поменялась система выборов высших органов власти. Открытое голосование было заменено на закрытое (тайное) голосование. Подобная реформа должна была сыграть роль сильнейшего орудия, бьющего по международному фашизму. Хорошо запомнилось Семену, как после этого в новом учебном году в школьной программе появился новый предмет «Конституция СССР».

12 декабря 1937 года на основе новой Конституции состоялись парламентские выборы в Верховный Совет СССР. Ученикам в школе дали общественное поручение – нарисовать плакаты с указанием даты и места голосования для вывешивания в общественных местах. В день проведения выборов Семену пришлось дежурить на избирательном участке, помогая пожилым людям при процедуре голосования.

В 1937 году страна Советов с большой помпой отметила столетие со дня гибели на дуэли великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Майдановская школа, естественно, не могла остаться в стороне от такого события. Для старшеклассников организовали вечер памяти, посвященный творчеству поэта, затем прошло представление отрывка из повести «Дубровский». Костюмами для постановки и реквизитами занимались учителя литературы. Особую лепту в организацию и проведение этого значимого для школы мероприятия внес директор, который всячески поддерживал инициативу учителей и обучающихся. Семен Коновалов принимал участие в инсценировании. В отличие от своего брата Порфирия он был более активен, старался успевать везде и всюду, не отказываясь от интересных предложений общественного характера. У него был хороший музыкальный слух, и он неплохо играл на гармошке, которая осталась от отца. В школе имелся баян, но никто на нем не умел играть. Во время перерыва между уроками в пионерской комнате Семен начал осваивать этот музыкальный инструмент и за год до выпуска из школы стал настолько хорошо играть, что его начали приглашать на многие внеклассные мероприятия, где требовалось музыкальное сопровождение.

Период конца тридцатых годов в Советском Союзе считался непростым. В то время имущественное и правовое положение жителей сельской местности было не совсем справедливое. Колхозники имели скудные доходы, и они являлись самой незащищенной группой населения. И взрослые, и дети одеты, обуты были бедновато. Все, что они носили на себе, изготавливалось кустарно и с низким качеством.

В школах не хватало учебников. По отдельным предметам только у педагогов имелись учебные пособия, и ученики под их диктовку вкратце записывали содержание излагаемого материала. Тетради выдавались только для классных работ. При выполнении домашнего задания для записей использовались старые ненужные книги. Несмотря на такие трудности, большинство учеников занимались прилежно. Благодаря терпению и особому таланту учителей немало выпускников имели возможность продолжить образование и после

Весной 1937 года Семена Коновалова и его одноклассников приняли в ряды Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. Для старшекласников прием в комсомол считался неординарным событием, и поэтому готовились они к нему очень тщательно, каждодневно штудировав Устав молодежной организации, чтобы не ударить лицом в грязь перед членами бюро райкома комсомола.

В этот год, как и в последние предыдущие годы, продолжалась жизнь с ее радостями и заботами. Газетные отчеты о судебных процессах перемежывались с сообщениями о новых успехах социалистического строительства и подвигах отважных летчиков. С 18 по 20 июня 1937 года в мировой истории впервые был совершен беспосадочный перелет из Москвы в Америку через Северный полюс экипажем самолета АНТ-25 в составе Валерия Чкалова, Георгия Байдукова и Александра Беляева.

Через год, 27 июня 1938 года, из подмосковного аэродрома Щелково вылетел и приземлился в Приморье на военном аэродроме Спасск-Дальний двухмоторный самолет, пилотируемый Владимиром Коккинаки и Александром Бряндинским. Местные жители их встретили ликованием. За совершение этого беспосадочного перелета они оба удостоились звания Героя Советского Союза.

В том же году Семен Коновалов успешно сдал по всем предметам экзамены и выпустился из Майдановской школы, которая к началу 1937-38 учебного года имела статус средней восьмилетки. После получения документа об образовании он начал размышлять о том, как построить свою жизнь дальше. Акулина Федоровна настаивала на продолжении учебы, но юношу тяготило семейное безденежье. Чтобы каким-то образом помочь матери, он целый год проработал почтальоном. Это занятие его в какой-то степени удовлетворяло. Он разносил по домам письма, печатные периодические издания и заодно успевал просматривать самые интересные материалы, размещенные на страницах газет «Комсомольская правда» и «Красный спорт». Однако от такой работы на душе становилось скучно и тоскливо. Он стал частенько уединяться. Его начало тянуть в яблоневый сад, разбитый ямбулатовцами на отлогом склоне горы в годы создания коллективного хозяйства.

В 1938 году весной сад обильно зацвел и весь заполнился белой кипенью невероятно красивых цветов. В обеденное время в саду было тихо и спокойно. Никого здесь не было, кроме охранника, пожилого инвалида в старой соломенной шляпе и выгоревшей на солнце домотканой рубашке. Он почти постоянно сидел на скамейке возле сбитого из досок небольшого строения для 13

хранения садового инвентаря. Садоводческая бригада, состоявшая в основном из женщин трудоспособного возраста, бывала здесь лишь с утра, пока не приходила жара. По разным причинам изредка появлялись ненадолго кое-кто из местных жителей.

Поднявшись как-то летним днем в гору, Семен уселся вблизи выстроившихся в одну линию плодовых деревьев на освещенное солнцем место, обхватил руками колени и пристально стал вглядываться в сияющий голубизной небесный океан. Что он там смог увидеть в тот день, было ведомо только ему. В бездонной глубине стелились серебристые облака, под ними высоко-высоко парили птицы. Его, видимо, удивляло то, как пернатые существа легко и свободно перемещаются по воздуху, почти не встречая сопротивления. У Семена после первой попытки совершить «полет» желание, наверное, не совсем исчезло. «Вот бы полетать так, как они», – мечтал он, наблюдая за птицами и вздыхая от беспомощности сделать подобное.

Размышляя молча в одиночестве, он не сразу заметил, как палящее солнце стало постепенно заполнять воздух густеющей влагой. Становилось душно. У горизонта, подгоняемая усиливающимся ветром, погонщиком грозовых туч, выдвинулась в сторону Ямбулатова кучево-дождевая облачность, предвещающая скорый дождь. Птицы, начав хаотично двигаться по кругу, стали спускаться ближе к земле. Старик после первых же звуков грома поспешил укрыться в легком строении. Семен быстро поднялся и направился домой, убежденный, что вскоре ему предстоит сделать очень серьезный выбор.

Выбор жизненного пути

Выбирая жизненный путь, человек ставит перед собою цель, к которой он приближается в течение всей жизни. Главное – правильно поставить цель и ни в коем случае не отступать. И важно никогда не останавливаться. Только так можно добиться успеха. А как выбрать жизненный путь и не ошибиться? Ведь поиск смысла жизни волнует людей на протяжении очень длительного времени. Но ни великие мудрецы, ни философы, ни обычные люди так и не смогли дать правильный ответ на этот вопрос. Потому что каждому в жизни приходится делать это самому, не ожидая ничьей подсказки.

Семен Коновалов, наверное, понимал, что при выборе профессии нужно учитывать многое, чтобы впоследствии не жалеть о сделанном неверном шаге. В последнее время его душу томило единственное желание – стать военным. В середине лета он решился сказать об этом матери. Она молча, не перебивая, выслушала его, а потом задумчиво произнесла: «Сеня, нужно стараться всегда

делать то дело, которое тебе по душе, к которому тянется сердце, и никак иначе. Выбор можешь сделать ты только сам – тебе же жить с этим».

Дождавшись августа, Семен на тетрадном листе написал заявление на имя военного комиссара района с просьбой направить его в военное училище. Седьмого августа он пришел в Теньковский районный военкомат. На входе дежурный с красной нарукавной повязкой поинтересовался, к кому и зачем он идет. Семен показал заявление, и его пропустили. В кабинете военкома был офицер лет сорока пяти с капитанскими шпалами на черных петлицах в красной окантовке. Заметив на лице капитана суровость и сосредоточенность, Семен несколько оробел. Когда у капитана складки над переносицей разгладились и глаза потеплели, Коновалов как смог объяснил о своем желании поступить в военное училище. Военком мельком взглянул на протянутую бумажку и сразу же поинтересовался:

– Сколько тебе лет?

– Восемнадцать, – произнес, краснея, Семен, что сразу же выдало его обман.

– А если все же поточнее, – настойчиво потребовал военком, улыбаясь глазами.

Тут Семену уже пришлось признаться, что восемнадцать ему исполнится только в феврале следующего года. «Дождешься, пока будет восемнадцать – таковы правила, – объяснил ему военком, а потом добавил. – Почерк у тебя просто замечательный и пишешь грамотно, а у нас в штате военкомата как раз не хватает специалиста с писарьским почерком... Будешь пока у нас, а потом что-нибудь придумаем». Таким образом, восьмого августа 1938 года в военно-учетной карточке Семена Коновалова появилась первая запись.

Приказом Народного комиссариата обороны СССР № 224 от 27 сентября 1938 года в связи со значительным повышением общеобразовательной подготовки молодежи, поступающей в военные училища, сокращался срок обучения без ущерба качества подготовки молодых командиров. Этим приказом было разрешено принимать в военные училища молодежь в возрасте 17–23 лет. Пехотные, кавалерийские, бронетанковые и военно-хозяйственные училища стали комплектовать лицами с образованием не ниже восьми классов средней школы. Выпуск из всех военных училищ согласно этому приказу должен был производиться с первого сентября.

Курсанты набора 1936 года выпускались из училищ в период с 15 декабря 1938 года по 1 января 1939 года.

В этом плане Семену Коновалову просто повезло. В декабре 1938 года по рекомендации Теньковского районного военного комиссариата он поступил в 15

Казанское военное пехотное училище, которое в 1939 году перевели в город Куйбышев. Приказом Народного комиссара обороны СССР № 0127 от 28 марта 1941 года в целях подготовки командного состава и специалистов для танковых войск Куйбышевское военное пехотное училище было реорганизовано в танковое. Начальником училища назначен полковник Алексеев Дмитрий Федорович. В том же году, когда в состав СССР вошла Литва, училище передислоцировали в небольшой литовский город Расейняй Прибалтийского военного округа, перепрофилировав в бронетанковое. Занятия в училище стали проводиться в обстановке, приближенной к боевым условиям. В воздухе уже витал тревожный запах приближающейся войны. Высшее руководство СССР было почти уверено, что агрессия со стороны фашистской Германии неизбежна.

Редкие часы досуга

*Семен Коновалов – выпускник
бронетанкового училища*

Отличник боевой и политической подготовки Семен Васильевич Коновалов, получив лейтенантские кубики, весной 1941 года выпустился из бронетанкового училища. Получил назначение на должность командира взвода танковой роты сто двадцать пятой стрелковой дивизии и прибыл в город Таураге Литовской ССР. Это поселение, расположенное на реке Юра, было основано еще в XV веке. В конце XVIII века местечко входило в состав Российской империи, здесь

находилась резиденция Александра I, и в то время Таураге считался одним из самых укрепленных пунктов России. В годы Первой мировой войны город практически был сожжен до основания. С 1920 года Таураге был в составе Литвы.

Глава II.

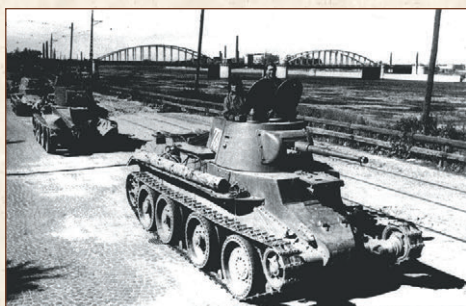
ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ Точка отсчета. Боевое ранение

Днем 21 июня 1941 года, казалось, ничто не предвещало трагических событий, которые начнутся уже менее чем через сутки. Был обычный летний день. Река Юра, переливаясь под лучами солнца, мирно катила свои воды в Неман. К концу дня на том берегу чувствовалось нарастающее напряжение. Уже нельзя было не заметить передвижение техники и разноглосье от скопления большого количества людей.

22 июня в 3 часа утра лейтенант Коновалов проснулся от разрыва бомб и мин, обрушившихся на головы мирно спящих людей. Снаряд немецкого орудия, выпущенный по казарме, пробил стену прямо над головой двадцатилетнего лейтенанта Коновалова. В бой танкисты вступили в четыре часа утра. В первые же часы командира роты тяжело ранило, и лейтенант Коновалов принял командование ротой на себя. На вооружении были только танки БТ-7 (быстроходные танки) и несколько единиц Т-26.

Лейтенант С.В. Коновалов

Легкие танки БТ-7

Танк Т-26

Танки БТ-7 были разработаны на основе БТ-5 в 1933 году. Харьковский тракторный завод получил задание на разработку нового танка, на основе которого, устранив недостатки танка БТ-5, нужно было создать ударный колесно-гусеничный танк дальнего действия. В начале 1934 года началось производство такого танка, получившего индекс БТ-7. Первый образец был готов к маю 1934 года. Серийный выпуск начался в 1935 году. В 1937 году начался выпуск танков БТ-7 с конической усовершенствованной башней. Боезапас составлял 188 снарядов. В кормовой нише устанавливался танковый пулемет Дегтярева. Основным недостатком было то, что толщина лобовой брони составляла всего лишь 22 мм.

Оценивая действия советских танкистов в боях на озере Хасан и реке Халхин-Гол, Георгий Константинович Жуков в мае 1940 года на приеме у Сталина по случаю назначения его на должность командующего Киевским особым военным округом подчеркнул: «Очень хорошо дрались танковые бригады, особенно одиннадцатая, возглавляемая комбригом Героем Советского Союза Яковлевым, но танки БТ-5 и БТ-7 слишком огнеопасны. Если бы в моем распоряжении не было двух танковых и трех мотоброневых бригад, мы, безусловно, не смогли бы так быстро окружить и разгромить шестую японскую армию». Танк БТ-7 не имел себе равных в маневренности. Он стал гордостью и заслуженным символом автобронетанковых войск Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

125-я стрелковая дивизия восьмой армии, развернутая на фронте в сорок километров, с первых дней начала войны была атакована частями трех танковых и двух пехотных дивизий восемнадцатой полевой армии под командованием генерал-полковника Гапнера. В эшелоне шли еще три моторизованные дивизии вермахта четвертой танковой группы.

На участке погранзаставы Таураге немцы бросили в наступление до пятидесяти танков с поддержкой артиллерии. Устроив засаду, танковая рота под командованием лейтенанта Коновалова в первый же день войны уничтожила до восемнадцати танков противника. Тут были в основном легкие танки Panzer I и II. Эти немецкие танки страдали тем же, что и БТ-7. Толщина брони у них была недостаточной и имела минимальный наклон. Из-за этого они становились уязвимыми для артиллерии и танков противника. Также весьма слабым вооружением при встрече с противником являлись 20-миллиметровые пушки. Но силы все же были неравными. Немцы действовали быстро и умело, имея большой боевой опыт. Немецкие танковые кулаки, поддерживаемые авиацией, рассекали оборону советских войск, окружали боеспособные подразделения, вынуждая отступать. Отчаянно сопротивляясь, армейские подразделения все же наносили ощутимый урон врагу.

Рота Коновалова, прикрывая отступающие части, вынуждена была двигаться в сторону города Шауляй. В боестолкновениях БТ-7 Коновалова подбил шесть немецких танков, потеряв пять танков своей роты. Танки БТ-7 использовались во встречных танковых боях чаще всего из засады, потому что броня танка пробивалась всеми орудиями вермахта, а также противотанковыми ружьями. С дистанции менее двухсот метров боковая броня пробивалась и бронебойными пулями винтовок с вольфрамовым сердечником, и крупнокалиберными пулеметами.

Неприятным сюрпризом для немцев в ходе первых же дней войны стали танки КВ, которых за мощную броню и неуязвимость немцы сразу же прозвали «Призраками».

Тяжелый танк КВ был создан в самом конце тридцатых годов на Кировском заводе во главе с инженером-конструктором Жозефом Яковлевичем Котиним. Этот танк уже участвовал в боях на Карельском перешейке во время войны с Финляндией. За толщину брони и неповоротливость финны прозвали КВ образца 1939 года «Мамонтом». Емкость боеуклада составляла 114 снарядов, боекомплект пулемета – 48 магазинов.

Советский тяжелый танк КВ

В танке «Клим Ворошилов» (КВ) были совмещены хорошая броня и огневая мощь. Тупоголовый снаряд 76,2-миллиметровой пушки пробивал броню толщиной 102 мм на расстоянии ста метров. Недостатком было то, что танки КВ часто выходили из строя в ходе маршей – были проблемы с коробкой передач. Воздушные фильтры нужно было менять через час-полтора работы двигателя, когда двигались по пыльным дорогам. Если же это не делали, то двигатель быстро выходил из строя. На дороге под Расейняем в местечке Шаукотас по этой причине остановился КВ-2. Экипаж не бросил танк, а героически сражался. В результате этого сообщение по важной дороге между фронтовыми и тыловыми частями вермахта оказалось прервано больше, чем на сутки. Первые же

немецкие машины со снабжением были подожжены танком. Попытка подбить его с четырехсот пятидесяти метров батареей противотанковых пушек, только что принятых вермахтом на вооружение, окончилась тяжелыми потерями для расчетов и материальной части батареи. Танк остался невредимым, несмотря на четырнадцать попаданий. Снаряды делали только вмятины на броне. Когда была подтянута замаскированная 88-миллиметровая пушка, танк спокойно позволил занять ей позицию на расстоянии шестисот метров, а затем уничтожил ее и расчет прежде, чем открыли они огонь. Попытки саперов подорвать его ночью оказались также безрезультатными. Он стал жертвой немецкой хитрости. Пятьдесят немецких танков с трех сторон имитировали атаку, чтобы отвлечь внимание танка от направления, где была замаскирована и оборудована позиция для другой 88-миллиметровой зенитной пушки почти в тылу танка, которая на этот раз смогла открыть огонь. Из двенадцати прямых попаданий этой пушки три пробрили танк и уничтожили его.

Советские войска беспорядочно отходили на восток. Вместе с ними двигались до шестидесяти тысяч невооруженных строительных рабочих, которые возводили оборонительные укрепления в приграничной полосе, а также беженцы. За четыре дня войны вермахт контролировал почти всю территорию Литвы. Основной причиной проигранного сражения Северо-Западного фронта было некомпетентное управление войсками командованием фронта. Командующий Северо-Западным фронтом генерал-полковник Кузнецов Федор Исидорович не смог в достаточной степени грамотно и своевременно организовать, скоординировать взаимодействие между частями и соединениями войск фронта, отступающими под натиском превосходящих сил противника. Ввиду этого были большие потери. Выдвигавшиеся из глубины соединения и части РККА бросались в бой с ходу, без поддержки артиллерии и авиационного прикрытия. Немецкая авиация с воздуха обнаруживала советские колонны и наносила по ним сокрушительные удары. 22 июня сильной бомбардировке с воздуха подверглась 48-я стрелковая дивизия, направлявшаяся к государственной границе для поддержки 125-й стрелковой дивизии к городу Таураге. Она не имела средств противовоздушной обороны и потеряла около семидесяти процентов личного состава.

Необыкновенные успехи вермахта в Литве объясняются не только хорошо подготовленным планом военных действий, выучкой и мощью войск, но и помощью литовцев, которые устроили восстание и обратили оружие против красноармейцев. 22 июня 1941 года 29-й литовский корпус, который объединил 184-ю и 179-ю стрелковые дивизии, состоявшие из военнослужащих Литовской армии, пошел по пути предательства. Из шестнадцати тысяч

солдат литовского корпуса четырнадцать тысяч человек дезертировали или присоединились к немцам.

Из-за отсутствия признаков целеустремленного и планового руководства войсками сопротивление оказывалось только отдельными разобщенными друг от друга группами. И в таких невероятно сложных условиях начальник автобронетанкового управления Северо-Западного фронта полковник Полубояров Павел Павлович умело координировал действия мехкорпусов и танковых бригад. Он своевременно принимал меры по обеспечению их боевой техникой, вооружением, находящимся в резерве, а также вовремя сумел вывести из-под нависшего удара наступавших войск вермахта.

28 июня рота лейтенанта Коновалова пополнилась десятью танками Т-34, которые были в резерве Северо-Западного фронта и находились на консервации в городе Шауляй. Коновалов хорошо знал эти машины, потому что в училище изучал их матчасть и тактико-технические данные.

*Т-34 –
лучший танк
Второй
мировой войны*

Танк Т-34 начал создаваться по причине сравнения с немецким танком Panzer III, который выгодно отличался от советского танка БТ-7. При их создании учитывался и опыт применения танков во время гражданской войны в Испании. 31 марта 1940 года Комитет обороны при СНК СССР принял решение о серийном производстве танка Т-34. Экипаж танка состоял из четырех человек. Лобовая броня составляла 45 мм. Вооружение состояло из 76-миллиметровой пушки образца 1938 года и двух 7,62-миллиметровых пулеметов. К началу Второй мировой войны это был один из лучших танков в мире.

30 июня 1941 года командующий Северо-Западным фронтом Ф.И. Кузнецов войскам, оборонявшимся на Западной Двине, отдал приказ отойти в Псковский, Островский и Себежский укрепрайоны, за что спустя два дня был снят с должности с формулировкой «за неумелое управление войсками».

Тридцатьчетверки в освобожденном городе

1 июля 1941 года 125-я дивизия вышла на берег реки Эмайыги и заняла оборону. 22 июля 1941 года в эстонском местечке Аудру произошло сражение, в ходе которого танковая рота Коновалова в составе бригады, не имея численного превосходства над танками противника, произвела контратаку, чтобы обеспечить отход основных войск в сторону Таллина. На марше после получения команды выдвинуться на исходные позиции механик-водитель доложил Коновалову: «Командир, мотор что-то стал барахлить и дальше вряд ли сможем следовать без ремонта». «Что? Уж очень серьезно?» – спросил Коновалов. «Серьезнее некуда, – вытирая пот со лба, сказал водитель. – Так что придется встать ненадолго». Починив танк, рота с остатками БТ-7 и Т-34 вышла на исходные позиции. Во время контратаки танк Коновалова первым же выстрелом подбил легкий танк противника. Когда в танк попал снаряд, и он оказался обездвиженным, Коновалов увидел: из люка появилась голова немца. Коноваловский стрелок дал очередь из пулемета, но промахнулся, потому что немецкий танкист успел нырнуть обратно. Потом он выпрыгнул и скатился на землю. Затем начал отползать от машины, не в силах поднять голову, видимо, от страха, что его вот-вот убьют. Но через какое-то время он, вероятнее всего, справился с собой и, схватив фотоаппарат, который болтался у него на шее, начал снимать, не думая о том, что случилось с другими, кто остался внутри танка. А уже через какое-то время танк вспыхнул, и внутри начали рваться снаряды. Танки БТ-7 в какой-то момент подставились боком под крупнокалиберный пулемет немцев, подойдя на дистанцию поражения своих

тонких бортиков. Один танк загорелся – экипаж успел выскочить. Загорелся второй... от пулемета же. Немцы, видать, зажигательными обстреливали. Попал в борт... и все – танк загорелся. Вплотную почти стали приближаться немецкие автоматчики, обстреливая разрывными пулями. Коновалов стрелку: «Ну-ка, шугани их! А то нас как куропаток перебьют и танком завладеют». Тот дал несколько раз осколочным и пулеметом поработал. Фрицы разбежались, как крысы. Коновалов скомандовал: «Еще выстрел!». Немцы стали драпать, а им бы за ними, но перебита гусеница – один трак разорвало. Набросили его, все собрали. «Палец» вставить нужно. Водитель пошевелил влево-вправо. «Палец» загнали, начали шплинтовать, и тут – разрыв мины... Разбросало всех в разные стороны. Контузией это назвать было нельзя, но появился шум в ушах. Механик-водитель поднимается – значит живой. А стрелок лежит, не встает. Коновалов подошел к нему, прихватил за затылок, а там осколок от мины... А ведь могло и его зацепить. «Может, это была моя смерть», – мелькнуло в голове у Коновалова, если бы он сам стал шплинтовать палец, не подвинулся бы. А он, понятное дело, подвинулся – не командирское это дело. Вот так... Парень погиб. Его также зацепило, но вроде не сильно, хотя волосы на голове у Коновалова были мокрые от крови. Она лилась из раны на переносице (шрам этот у Семена Коновалова остался на всю жизнь). Потом оказалось, что зацепило и в другом месте, и эта рана была даже более серьезной. После этого боя его отправили на попутной машине в таллинский лазарет. В Таллине раненые, беженцы погрузились на корабли Балтийского флота и гражданские суда. Их ждал полный опасностей переход до Кронштадта. Десятки кораблей и гражданских судов подорвались на минах и утонули. Погибли тысячи людей.

Эвакуация из Таллина. Госпиталь

Летним августовским утром легкораненных из таллинского лазарета, в числе которых оказался и Коновалов, автобус привез в порт. У причала поджидало судно, куда их погрузили и отшвартовались. Для безопасности в случае налета вражеской авиации их разместили в трюме. Судно двигалось медленно, и через довольно длительное время сверху передали, что уже видны очертания Кронштадта. И потом тут же до Коновалова донесся звук взрыва. Корабль задрожал, завибрировал и накренился. С потолка посыпалась облупившая краска. Двигатели притихли, и сверху, с палубы, послышались крики: «Вода! Быстрее!». Все, кто был в состоянии подняться, бросились к выходу. Никто никому не в силах был помочь. Каждый в той ситуации боролся за свою жизнь. Коновалов с раненой рукой и перевязанной головой сумел выскочить на палубу и тут же прыгнул за

борт ногами вперед. Вынырнул и сразу же поплыл прочь от корабля, иначе какая-нибудь доска могла упасть сверху, либо кто-то из тонущих мог утащить за собой на глубину. Судно резко встало вертикально и пошло ко дну. Последнее, что увидел Коновалов, – корабельный винт, который не переставал вращаться. На плаву были те, кто умел плавать и держался за доски. Коновалов подплыл к морякам из команды судна, которые собирали что-то вроде плота. Устроились втроем. От них лейтенант Коновалов узнал, что корабль потопила торпеда, выпущенная из немецкой подлодки. Они даже видели перископ этой субмарины. Через определенное время подошли два сторожевых катера, спустили на воду шлюпки и стали собирать людей. На катере матрос завел Коновалова в каюту. Растерли спиртом и укрыли теплым одеялом. В каюте сидела продрогшая молодая женщина. До самого Кронштадта она, не переставая, плакала. У Коновалова никак не укладывалось в голове: «Откуда у человека может быть столько слез?». Когда добрались до порта, Коновалова сразу же отправили в госпиталь. Организм был молодой, сильный, и он даже насморка не подхватил, только вот живот немного расстроился: все от того, что нахлебался морской воды. В госпитале Ленинграда, куда он был доставлен, приемный врач осмотрел раны и решил направить в Вологодский распределительно-эвакуационный пункт. Туда увозили в основном раненых и больных с Ленинградского фронта. Здесь же его определили в эвакогоспиталь, располагавшийся во втором корпусе Вологодского педагогического института. В условиях повсеместного материально-хозяйственного дефицита этот госпиталь, как и другие, испытывал большую нужду в самом необходимом. Было также очень напряженное положение и с продовольствием. Но эти трудности не смогли помешать персоналу госпиталя успешно выполнять свои обязанности – вовремя излечивать раненых и больных.

Коновалову сильно запали в память первые впечатления от знакомства с прифронтовым городом. Область с началом Великой Отечественной войны была в составе Архангельского военного округа. Вологда к концу августа 1941 года сильно изменилась. В вечернее время город становился пустынным, малолюдным. Нетрудно было заметить, что берега реки, рассекавшей город пополам, сильно изрыты, и повсюду виднелись укрытия от воздушных налетов вражеской авиации. Много деревьев на улицах, бульварах были посечены осколками бомб после массовых налетов вражеской авиации в середине августа. Днем на вокзале можно было видеть толпы людей – ступить негде. Было много военных, эвакуированных, мобилизованных и возвращающихся с «окопов». По городу хождение без пропуска строго запрещалось. Военные

патрули, если возникало какое-то подозрение, проверяли у прохожих документы. Возле магазинов постоянно толпились люди, выстраиваясь в длинные очереди за хлебным пайком. На рынках, по отдельным разговорам людей, наблюдался дикий рост цен на вещи и продукты питания.

Пролечившись больше двух месяцев, лейтенант Коновалов выписался из госпиталя. Раны на голове и руке зажили, но они оказались более серьезными, чем он думал. Получая справку о ранении за подписью начальника госпиталя и направление для дальнейшей реабилитации в Архангельске, Коновалов выглядел расстроенным. Он с недоумением посмотрел на лечащего врача, спросил: «Товарищ военврач, а почему мне нельзя на фронт? Ведь я же совершенно здоров...». «На фронт никак нельзя, – твердо и сухо ответил пожилой военврач в роговых очках. – Надо еще чуть подождать, а пока рановато. Такой войны, молодой человек, еще на всех хватит... Так что не спешите – успеете повоевать». И Коновалову волей-неволей пришлось смириться с выводом стареющего и мудрого человека, который в данном случае был, несомненно, прав. Попрощавшись и не забыв поблагодарить военврача в звании майора, Коновалов закинул на плечо вещмешок с армейскими пожитками и отбыл за назначением для прохождения дальнейшей службы в городе Архангельске.

Архангельск. 45-й учебный танковый полк

Архангельск – старинный российский речной и морской порт. Он играл огромную роль как транспортный узел и как базовый центр Беломорской военной флотилии с самого начала военных действий. В городе находились штаб уполномоченного Государственного Комитета Оборона и штаб Архангельского военного округа, созданного еще в марте 1940 года и готовившего резервы, маршевое пополнение для действующей армии. В 1941 году город и порт уже два раза подвергались массовым налетам немецкой авиации. Областной центр с двухсотсороктысячным населением в начале войны испытывал настоящий продовольственный кризис. Продукты выдавались жителям по карточкам, и этот скудный паек они получали иногда с опозданием. Первой в списке дефицитных продовольственных товаров оказалась мука. За черным, ржаным хлебом в очередях возле архангельских магазинов стояли по двести, а иногда и триста человек. Белого, пшеничного хлеба вообще не было. Дополнительную еду можно было достать в окрестных деревнях, но не за деньги, а только в обмен на какую-нибудь вещь. С первого дня войны город стал закрытым – ни выехать, ни въехать.

По приезду в город лейтенант Коновалов сразу же направился в военную комендатуру. Двухэтажное кирпичное здание комендатуры с выщербинами на штукатурке почти ничем не выделялось среди окружающих домов, кроме вывески над входом. Здесь его направили в сорок пятый учебный танковый полк. Командир полка, приземистый широколицый майор, при встрече не выглядел дружелюбным, как того хотелось Коновалову. Только просмотрев его офицерскую книжку с разводами после «купания» в Финском заливе, понял, что из себя представляет этот молоденький лейтенант. Усадив Коновалова перед собой, он долго расспрашивал о первых встречах с танками врага. В конце сказал, что будет приказ о его назначении инструктором по подготовке новобранцев для пополнения танковых подразделений на передовой. Коновалов понимал, что на фронт направят его не скоро, но все же не сдержался: «Товарищ майор, когда же мне тогда в действующие войска?». Комполка его снова усадил на место и после минутного перерыва сердито сказал: «Вы, наверное, товарищ лейтенант, полагаете, что я не хочу на фронт! Если только так мыслите, то ошибаетесь! Не следует считать, что дело, которое мы делаем здесь – не такое важное! – потом чуть успокоился и продолжил. – Как тогда прикажете найти замену вашим погибшим товарищам там, на передовой?.. Вы же воевали с врагом и знаете его повадки – вот и объясняйте молодому пополению, как надобно уничтожать фашистскую гадину...».

На этом разговор закончился, и пришлось лейтенанту Коновалову впрягаться и тащить ту ношу, тот груз, который, как он понял позже, был нелегким, но важным также и для него самого. Он учил мобилизованную молодежь и одновременно учился сам тактике ведения современного боя на танках Т-34 и КВ, которые в то время считались самым грозным бронетанковым оружием, применявшимся против войск вермахта. Только тогда он стал постепенно понимать и осознавать, что устраивать засады и бить оттуда врага – это не единственное правило для предстоящих баталий с танками и бронетехникой самого разного вида и характера, которые были у немцев. Необходимо было учиться маневренному бою, чтобы не становиться неподвижной мишенью для вражеских машин и орудий. Он не раз вспоминал и приводил в пример при наставлении молодых тот бой танка КВ-2 на дороге недалеко от Расейняя в местечке Шаукотас. «Вот если бы эта боевая машина имела ход, она бы маневрировала. Тогда и результат был бы совсем другой», – думал Коновалов, мысленно представляя картину сражения экипажа КВ-2 с немцами. Лейтенант Коновалов постоянно отсылал командованию рапорты с просьбой вернуть его на передовую.

Снова на фронт. Командир танка КВ-1

В апреле 1942 года его наконец-то направили на фронт в качестве командира взвода танков КВ-1 пятой отдельной танковой бригады. Экипажи боевых машин были укомплектованы в основном из состава сержантов и старшин. Почти все они имели опыт участия в боях на передовой. В составе экипажа командирского танка Коновалова были обстрелянные, нюхавшие порох танкисты. Старшим механиком-водителем был старший сержант Козыренцев Павел Иванович, младшим механиком-водителем – старший сержант Акинин Кирилл Гаврилович, радистом-пулеметчиком – старшина Червинский Иван Адамович, заряжающим – старшина Герасимчук Иван Антонович, наводчиком, командиром башни – старший сержант Дементьев.

Танк КВ считался мощной и грозной боевой техникой. Механик-водитель размещался в центре машины, слева от него – стрелок-радист (радиотелеграфист). Сразу за сиденьем механика-водителя были установлены аккумуляторные батареи и баллоны со сжатым воздухом для аварийного запуска двигателя. И там же, в днище корпуса, имелся аварийный люк для выхода экипажа. Перед стрелком-радистом в лобовой части танка имелось отверстие для стрельбы из пулемета, закрываемое броневой заглушкой. Специальной установки дегтяревский пулемет не имел. Над стрелком-радистом имелся люк для посадки-высадки экипажа, закрываемый крышкой с рукояткой и тремя запорными планками. Вдоль правого борта находился топливный бак с частью боеукладки. Боевое отделение находилось в центре корпуса. Здесь, слева от пушки, был наводчик (командир башни), рядом, справа, было место командира танка, а за ним – заряжающий (младший механик-водитель). В иных случаях, как в танке Коновалова, младший механик-водитель был дополнительной единицей в качестве дублирующего состава. Сиденья в боевом отделении танка вращались вместе с башней. За боевым отделением располагался моторный отсек. Корпус танка собирался из броневых листов толщиной 75, 40 и 30 миллиметров, которые между собой соединялись при помощи сварки.

В начале войны подбить танки КВ не могла ни одна противотанковая немецкая пушка и ни один немецкий танк. КВ можно было уничтожить лишь только с помощью 105-миллиметровой гаубицы и 88-миллиметровой зенитной пушки.

Танк, по мнению многих военных специалистов, был эрзац-машиной, призванной выжить в нескольких боях, и судьба его, конечно, была незавидной. Поэтому в танке все было упрощено максимально для боевой эффективности.

Самым главным в экипаже танка был командир, а вторым по важности – механик-водитель. Лейтенант Коновалов прекрасно понимал, что жизнь 27

экипажа, в первую очередь, зависит от него. От механика-водителя также в немалой степени зависела жизнь всех тех, кто находился в танке. Поэтому Коновалов особо не загружал Козыренцева, давал ему возможность отдохнуть, когда можно было это делать. Освобождал он его и от дежурства, и от охранных функций, потому что от механика-водителя зависели и марш, и надежность машины.

Стрелок-радист старшина Червинский был человеком немногословным, но пунктуальным. Ему Коновалов чаще всего поручал особо важные и ответственные задания, поскольку верил ему как самому себе. Заряжающему Герасимчуку Якову Антоновичу было двадцать пять лет. Родом он был из Каменец-Подольской области Украинской ССР. Когда познакомились, Коновалов спросил у Герасимчука:

– Область большая, а ты из какого села будешь?

– Запдницы, товарищ лейтенант. От нас совсем недалеко город Шепетовка. Слыхали, наверное, про такой город?

Название этого города у Коновалова осталось на слуху, когда он прочитал роман Николая Островского «Как закалялась сталь».

– Да, слышал... Тогда понятно, на кого вам следует равняться...

Младший механик-водитель Акинин был молчалив и скуп на слова. Он не рассказывал о себе почти ничего, а с башнером Дементьевым Коновалов так и не успел переговорить. Командир танка, как самое главное звено в этой цепочке, выполнял все работы вместе с экипажем. От него во многом зависела спаянность этого небольшого коллектива, его боеспособность. Завоевав уважение и доверие коллектива, лейтенант Коновалов как по нотам играл всю музыку. Фальшивых нот в танковом экипаже быть не должно – быстро будет спета и песенка. И танку, и экипажу в таких случаях жить оставалось недолго. Чуть кто-нибудь зазевался – и все... Конец! Козыренцев обладал, как заметил Коновалов, мастерством в своем деле, выносливостью, физической силой. Он вовремя переключал передачи, маневрировал, как надо. Дементьев казался ему хладнокровным и сдержанным. Таким, наверное, он и должен быть, чтобы обладать реакцией на выстрел с противоположной стороны. Силой и проворностью нужно было обладать Герасимчуку. Сила в нем имелась – он играючи принимал и укладывал снаряды по пятнадцать килограммов, когда танк комплектовали боезапасом. А снарядов было в боекомплекте не меньше сотни. Каждый из членов экипажа, как понял Коновалов, обладал необходимым качеством и был на своем месте. Они хорошо слышали команды, которые подавал дирижер этого оркестра

бою. С тактикой танкового боя Коновалов хорошо был знаком. В теперешнем положении советским танкистам приходилось больше устраивать засады, чтобы грамотно обороняться. Танковая засада – это чисто русская идея. Немцы этого никогда не делали, потому что были слишком самоуверенны, думали, что их танки самые-самые, и не нужно делать ничего такого, как делали русские.

Для боевого духа танкистов немаловажным было, конечно, нормальное питание. Они в тот период чаще всего кормились с «бабушкиного аттестата», с того, что можно было найти у местного населения. Свой офицерский паек лейтенант Коновалов делил с подчиненными, а не ел в одиночку. Конфликтов в экипаже не возникало, потому что знали: командир бывалый, прошел с начала войны нелегкий путь и знал психологию людей, которых объединяла ненависть к фашизму.

Война... Что это такое? Для молодого человека, который только-только нащупал под собой твердую почву и хочет жить полнокровной жизнью. А вместо этого дым... копать... смерть, которая ходит рядом. О чем можно думать в такой ситуации? О том, что тебя не будет завтра или послезавтра... Мысли у лейтенанта Семена Коновалова были самые разные, но основное – это тяга к жизни, желание любой ценой победить врага, изгнать его с родной земли...

Коновалов понимал, что есть много сложностей и препятствий, через которые прошла природа, чтобы сотворить человека. А жить на этой земле нужно не благодаря чему-то, а вопреки всему. И сложности в этой жизни – это вовсе не проблемы, а возможность что-то сделать, развиваться в лучшую сторону. А война?.. Война дает возможность проявить себя с самой лучшей стороны в борьбе за жизнь... и доказать всему миру, что в конце концов должна восторжествовать справедливость – негласный закон. «И по этому закону, – думал Коновалов, – фашисты должны будут заплатить сполна за совершенное».

Глава III.

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Юго-Западный фронт. 15-я танковая бригада

Лето 1942 года выдалось жарким и засушливым, но не менее жарко было в тот период и на полях сражений Великой Отечественной войны. Особенно тяжелым оказалось для советских войск положение на Юго-Западном и Южном направлениях, куда противник бросил значительные силы в надежде переломить сложившуюся ситуацию в свою пользу и взять реванш за поражение под Москвой зимой 1941 года.

Немцы воевали грамотно. Сначала мотопехота проводила разведку боем,

затем полуразрушенная система обороны после мощных ударов артиллерии и авиации по выявленным огневым точкам подвергалась мощной танковой атаке.

Немецкие войска ближе к середине лета «срезали» Барвенковский выступ южнее Харькова, а затем нанесли непоправимый урон Юго-Западному фронту. Армии Южного фронта, также потерпев серьезное поражение, вынуждены были отступить, в результате чего на линии фронта образовалась громадная брешь, куда устремились гитлеровские войска. После этого кровопролитнейшие бои развернулись на сталинградском и кавказском направлениях.

Захватив Ростов-на-Дону, вермахт устремил бы свои танковые армады к Северному Кавказу и Волге. Потеря Кавказа для Советского Союза в тот период была смерти подобна, потому что он являлся важным экономическим районом, имевшим крупную топливно-энергетическую базу. Такое положение на Южном фронте вполне могло привести к очень серьезному поражению советских войск и имело бы фатальные последствия. Потому и задача перед войсками фронта стояла одна: любой ценой удержать ситуацию под контролем и не дать врагу возможности продвигаться дальше.

Тем временем на линии соприкосновения с противником возникла самая настоящая неразбериха, похожая на ту, что была в начале войны на Северо-Западном фронте, когда командование не смогло скоординировать взаимодействие между частями и соединениями войск фронта в условиях стремительно изменявшейся обстановки.

Ставка Верховного Главнокомандования в тот период потребовала от командующего Южным фронтом генерала Родиона Яковлевича Малиновского немедленно занять левый берег Дона и не допустить форсирования реки врагом. Малиновский назначил районы сосредоточения и намеревался объединения и соединения фронта привести там в надлежащий порядок, а потом использовать для усиления обороны указанного рубежа.

Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный, командовавший Северо-Кавказским фронтом, имел распоряжение Ставки «приводить в порядок и немедленно использовать» отходившие войска Южного фронта для усиления обороны левого берега Дона. Ввиду этого отходившие войска Южного фронта не могли вовремя проследовать в назначенные им районы.

Войска Южного фронта, отступая под сильным натиском танков противника и находясь под непрерывным воздействием его авиации, нередко впадали в состояние, близкое к панике. Особенно стращали многочисленные рейды танковых частей по нашим тылам. Возникшие обстоятельства

недопониманию для организованного отступления к Дону. Иногда возникали ситуации, когда командиры, зная конечные рубежи отхода, выводили свои формирования к указанным местам ранее назначенных им сроков, что опять же приводило к полной неразберихе.

Командование 15-й танковой бригады не знало обо всех перипетиях, которые происходили на Южном фронте. Они видели одно: враг безостановочно движется вперед, а наши войска отступают. В этой ситуации все сводилось к одному – любой ценой остановить наступающие немецкие части.

После неудачных майских боев 1942 года в Харьковской битве обескровленная танковая бригада была выведена в резерв Южного фронта и доукомплектована прибывшими свежими частями.

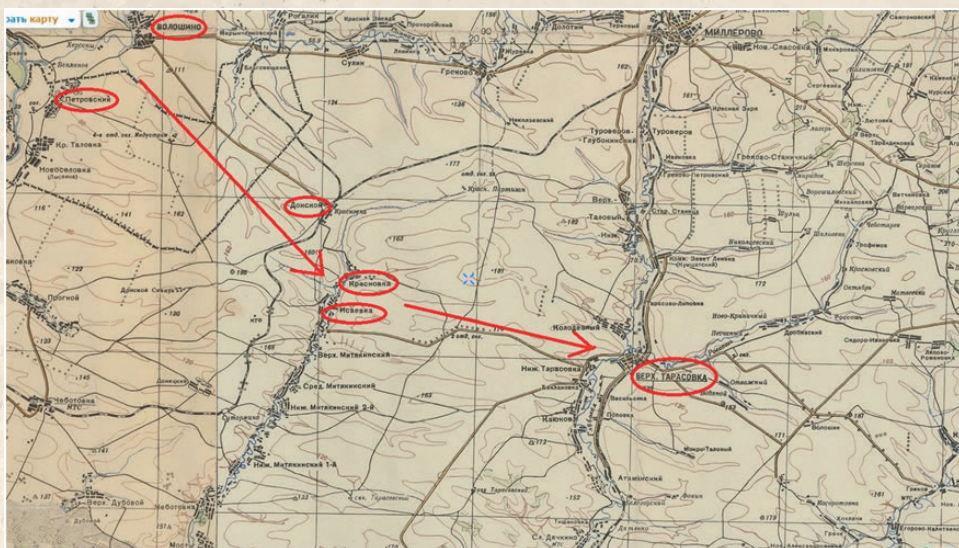
В начале июля 3-й и 40-й немецкие танковые корпуса совершили глубокий охват войск 9-й, 38-й и части сил 24-й советских армий в районе Миллерово, поставив их под угрозу окружения.

К 12 июля 15-я, 140-я и пятая танковые бригады составили сводный танковый корпус под командованием штаба автобронетанкового управления для уничтожения наступавшей от Чертково 23-й танковой дивизии вермахта.

15-я танковая бригада, в составе которой был и взвод лейтенанта Коновалова, получила приказ совершить 150-километровый марш из района Ворошиловграда и сосредоточиться у хутора Каюков, поступив в подчинение командующего 24-й армией. Для этого бригаде пришлось совершить марш по раскисшим после летних ливней проселочным дорогам, в результате чего часть боевой техники вышла из строя. В районе хутора Садки бригаде пришлось вступить в бой с танковыми подразделениями противника. Танк КВ лейтенанта Коновалова получил несколько попаданий немецких снарядов, что привело к нарушению подачи топлива в двигатель. Неисправность удалось быстро устранить.

13 июля сводный танковый корпус получил приказ об уничтожении Криворожской группировки противника и выйти на рубеж Горный – Екатериновка. А перед 15-й танковой бригадой была поставлена задача по ликвидации противника на рубеже хутора Тимошевка. Это было в шести километрах от районного центра Верхняя Тарасовка. В ходе марша из-за поломки выбыла из строя ее броневая и огневая мощь – два танка КВ-1. Первый из них встал на ремонт между хуторами Красновка и Ковалевка. Возле хутора Нижнее Митякинское двигатель второго танка чертыхнулся, и танк замер. «Ну, что там у тебя?» – спросил Коновалов механика-водителя. «Плохо, товарищ лейтенант, придется нам чуток «отдохнуть», – услышал он в ответ неутешительное

сообщение от Козыренцева. Коновалов еле сдержался – хотел выругаться. Подошел соседский танк: «Может дернуть?». «Нет, невозможно, – говорит водитель. – Пахнет соляжкой, возможно, трубку перебило». Коновалов сообщил по радиации о случившемся комбригу. Майор Савченко В.С. ждать не мог – это ставило под угрозу выполнение боевой задачи. В помощь Коновалову он, почти не раздумывая, решил оставить техника-лейтенанта Серебрякова. Комбриг приказал закончить ремонт и догонять бригаду, а в случае появления противника сдерживать его наступление на данном рубеже. Уходя, он ненадолго задержал свой взгляд на Коновалове. Пытался, видимо, что-то сказать, но промолчал. В данной ситуации, вероятнее всего, трудно было подобрать нужное слово. И по прощальному взгляду майора Савченко лейтенант Коновалов понял, что судьба экипажа, остающегося один на один с наступающими частями немецких войск, уже предрешена. Скорое появление противника на данном рубеже, по-видимому, уже не исключалось.

Карта местности в районе хутора Нижнее Митякинское

Колонна советских танков, поднимая по дороге пыль и грохоча лязгающими гусеницами, уходила все дальше и дальше, оставив одиноко стоящий КВ. О чем мог думать, расставаясь с танкистами, командир бригады майор Савченко, было ведомо только ему одному. Может, ему представлялось то, как экипаж танка, отремонтировав боевую машину, уже мчится вслед за ними. Или же в это время он размышлял о чем-то другом?.. Предполагать, что экипаж танка КВ под командованием лейтенанта Коновалова примет бой с многократно

превосходящими силами врага он, наверное, вряд ли мог. Отсюда, видимо, была и недосказанность при прощании. Он, скорее всего, крепко верил и надеялся на скорую встречу с оставленным на дороге экипажем КВ. Но и действовать по-другому в данной ситуации майор Савченко не мог – он выполнял приказ вышестоящего начальства. И лейтенант Коновалов также должен был выполнять приказ командира бригады майора Савченко. Он знал, что без хода на открытом месте их боевая машина является отличной мишенью для танков противника, и поэтому вместе с экипажем с помощью техника-лейтенанта Серебрякова спешил закончить ремонт.

«Танго над пропастью». Подвиг экипажа КВ-1

13 июля на хуторе Нижнее Митякинское дома с позеленевшими от влаги крышами, дворики, накрытые крупными ветвями карагачей-исполинов, освещенные лучами восходящего солнца, хранили полное молчание, слушая отдаленные звуки приближающегося фронта. Лишь изредка раздавались крики петухов, которые в эти ранние часы разрывали звенящую тишину. Воздух был чист и свеж, пахло травой. Здесь чувствовалась какая-то особая атмосфера неповторимости в красках донских степей и лесов... С севера на юг течет река Митякинка. Со временем русло реки, видимо, немного сместилось. И там, где когда-то было старое русло, появились непроходимые заболоченные места. Танк Коновалова стоял почти у самой реки. Подойдя к берегу, Коновалов увидел, как солнце начало дробиться в ветвях растущих на берегу деревьев, заиграло зайчиком сквозь прозрачность речной воды на песчаном желтом дне. Ленты водорослей лениво и плавно колыхались в такт течению. На противоположном берегу просматривался камышовый пейзаж и был виден кочковатый луг.

Всего в десяти километрах отсюда находился хутор Садки, где они приняли скоротечный бой с немцами, получив повреждение от снаряда фашистского танка и починив машину... Коновалов стоял на берегу Митякинки, завороченный всем этим прекрасным зрелищем, ощущая вечность движения жизни. Он хорошо понимал, что в какой-то миг и это спокойствие, и эта вечность могут быть нарушены движущимися вглубь страны фашистскими полчищами, сеющими смерть и разруху. «Но нет – не бывать этому, пока мы живы и в состоянии защитить свое Отечество», – вдруг подумал Семен Васильевич Коновалов, командир советского танка КВ, спешно направляясь к своим танкистам, которые уже завершали починку неисправности в танке. Он шел и не совсем понимал, отчего у него вдруг внутри появилось непонятное ощущение чувства тревожности. С чем это было связано, сначала не

догадывался, а потом, услышав в отдалении гул от тяжело идущей техники, уже все понял. Страх не было. Он, наверное, уже привык к такого рода явлениям после всего пережитого еще в начале войны. Подобное чувство у него было и тогда, когда воевал на Северо-Западном фронте. В тот момент он оказался почти на волосок от смерти. Стрелка-радиста БТ-7, рядом с которым он находился во время ремонта ходовой части, убило осколком мины. То же самое ощущение появилось у него и в день эвакуации на корабле из Таллина в Кронштадт. Тогда он был в трюме судна в числе тяжелораненых. Его ранение было средней тяжести. После торпедной атаки фашистской подводной лодки судно пошло ко дну, а он лишь чудом уцелел и остался жив. Теперь эти позабытые картины некогда прошлого из-за возникшего чувства опасности на какое-то мгновение воскресли в сознании. Он заново увидел себя прыгающим с тонущего корабля ногами вперед, смутно увидел женщину с мальчиком, уцепившуюся за сломанное весло от разбитой во время торпедирования шлюпки. Тогда никто не сумел воспользоваться спасательными шлюпками. Мать все время старалась накрыть голову мальчика подолом платья, чтобы тот не видел весь творящийся вокруг них ужас. Они то скрывались под водой, то выныривали, а потом совсем исчезли из виду – утонули. Как бы воочию предстал перед его мысленным взором и офицер с перебинтованной головой, который держался за кусок доски, пытаясь высвободиться от намокшей шинели, но тяжелая шинель все же утащила его на дно. Все они очень хотели жить... Каждому человеку дорога своя жизнь. Дойдя до танка, по глазам подчиненных и техника-лейтенанта Серебрякова Коновалов понял, что машина в исправности и уже готова к движению вперед. Ждали только его. Он освободился от возникших навязчивых воспоминаний, бодро скомандовал: «Ну что, танкисты, на «коня» и будем догонять своих!».

Машина, почувствовав силу и мощно взревев после починки, стала сразу же набирать скорость, намереваясь догнать и соединиться с бригадой, которая должна была находиться в районе станции Глубокий или же где-то в районе Криворожья. Такое предположение высказал майор Савченко, направляясь в пункт назначения. Определиться точно было невозможно из-за ненадежной связи с командованием 9-й армии. Командир не исключил возможность выхода бригады и к хутору Пеховкин.

В это время немецкая танковая колонна развивала удар через хутор Нижнее Митякинское. Двигаясь на юг по маршруту ушедшей бригады, экипаж Коновалова обнаружил в районе Девяткиной балки на ближайшем пригорке два немецких полугусеничных бронетранспортера. Эти машины обладали хорошей

бездорожья. Предназначенные для сопровождения танков, они обеспечивали их поддержку и проводили разведку. Для этого снабжались рацией. Кроме того, на них были установлены два 7,92-миллиметровых пулемета. Передний находился на крыше отделения, а второй – на вертлюге, прикрепленном к кормовому бронелисту. Экипаж состоял из двух человек, а в десантном отделении могли разместиться до десяти пехотинцев. Для танка Коновалова эти бронетранспортеры особую опасность не представляли. Но на подходе, видимо, были и танки, и какая-то другая боевая техника, представлявшая для КВ серьезную угрозу. Нельзя было медлить ни минуты. Требовалось принятие быстрого решения. От командира танка механику-водителю Козыренцеву поступил приказ остановиться. Немцы заметили танк Коновалова слишком поздно. Воспользовавшись этим, командир отдал приказ наводчику Дементьеву и заряжающему Герасимчуку приготовить орудие к бою. Пока фашистские вояки анализировали ситуацию, прозвенел выстрел из пушки КВ. От мощного снаряда советского тяжелого танка бронетранспортер опрокинулся набок и запылал. Вторая бронемашина успела в это время скрыться. Лейтенант Коновалов приказал радисту-пулеметчику Червинскому срочно связаться с бригадой и доложить о неприятеле, но на позывные никто не откликнулся. Бригада наверняка успела уйти далеко. Тяжесть принятия решения по дальнейшему действию в такой ситуации целиком легла на плечи лейтенанта Семена Васильевича Коновалова. Для него настал момент истины: либо догнать бригаду и соединиться с ней, либо принять бой и хотя бы ненадолго остановить врага. Он, конечно, не мог и предполагать, насколько тяжелой и сложной будет предстоящая битва. Приказ комбрига Савченко был понятен и ясен: «Если что-то произойдет не так, как запланировали, – держитесь изо всех сил...» Видимо, это был тот самый случай, когда Коновалову нужно было принимать самостоятельное решение. И он его принял, окончательно утвердившись во мнении, что необходимо принять бой. Иного решения в данной ситуации для него не могло и быть.

Коновалов оценил местность и понял, что наиболее удачной была позиция в не очень глубокой лощине, заросшей кустарниками, склоны которой могли хорошо укрыть боевую машину. Довольно глубокая Девяткина балка, лежащая впереди, чуть левее, не давала противнику обойти советский танк с фланга. На правом фланге были заболоченные места, появившиеся после смещения русла Митякинки. Все это осложняло задачу немецким войскам. В данном случае фашистские танки, появляясь на пригорке, становились удобной мишенью для КВ Коновалова. Лейтенант, устраивая позицию, взял за основу тактику

«танковых засад», да и не только. Он решил подготовить не одну, а несколько скрытых позиций, хорошо замаскировав их, благо для этого все было под рукой. Когда техник-лейтенант Серебряков поинтересовался, для чего это нужно, Коновалов объяснил: «Будем «танцевать» из одного укрытия в другое. Пусть фашисты думают, что нас здесь много». Экипажу, за исключением Козыренцева, он приказал заниматься устройством позиций, их маскировкой, чтобы противник сразу не мог определить, откуда ведутся выстрелы. «Так он же все равно после первого выстрела заметит – пыль будет подниматься», – не унимался Серебряков. На что Коновалов парировал: «Прольем сухую землю водой – и никакой пыли не будет». Пока противник не появился, танкисты пролили водой из Митянки все места, где должен был находиться танк в момент выстрела.

Через какое-то время появились основные силы врага. Гул десятков моторов известил о приближении надвигающейся угрозы. Темно-серые машины с черными крестами, поглощая солнечный свет, упорно и настойчиво шли в сторону танка Коновалова. В составе колонны фашистов Коновалов заметил и танкетки, и броневики, и машины с пехотой.

Вначале Коновалов насчитал тридцать пять вражеских бронированных машин, а затем следом за ними появились еще сорок. «Многовато, конечно, на зуб одной советской машины, – задумчиво произнес Коновалов, – но выдюжим – мы же на своей земле». Экипаж молча согласился с командиром. Судя по всему, это были два немецких батальона, в составе которых имелись и легкие, и средние танки. Неспешно приближаясь к хутору Нижнее Митякинское, с головного танка противник выпустил в воздух красную ракету. «Может это какой-то условный сигнал для своих», – подумал Коновалов и, много не раздумывая, также выстрелил в небо красной ракетой. После этого движение немецкой колонны ускорилося. Наверное, немцы ожидали такой сигнал от своих. Приближаясь к позициям, выбранным Коноваловым, фашисты оказались как на ладони. «Да, будет жарко – уж очень уверенно идут, – сказал Коновалов и, подпустив передние машины на танковый выстрел, скомандовал. – Сначала по головному, а потом по остальным – огонь!» Первый выстрел угодил в башню ближнего танка немцев, отчего ее немного приподняло, затем мгновенно вспыхнул и загорелся, видимо, бензиновый двигатель. Коновалов видел, как из люка выскочил немецкий танкист и побежал в сторону речки, пытаясь на ходу сбить пламя с горевшей формы.

Форма немецкого танкиста состояла из пилотки, изготовленной из простого черного сукна, рубашки серого цвета, черного галстука и черной куртки из мягкого шерстяного сукна с боковыми крюками для поясного ремня. Две верхние пуговицы не застегивались, а лацканы были отвернутыми. На правой стороне

грудь был орел. Танкисты вермахта носили штаны из мягкого шерстяного сукна. Они были с двумя карманами и застегивались на пуговицы, чтобы не зацепиться за что-нибудь. Носили танкисты яловые сапоги, которые в отличие от пехоты не имели шипов, чтобы не скользить по броне. Из оружия командиру танка полагался автомат «Шмайсер» и пистолет «Люгер» с прицельной дальностью пятьдесят метров.

...До воды фашистский танкист так и не добежал. Настигнутый пулеметной очередью Червинского, он споткнулся и упал лицом в землю. После очередных прямых попаданий загорелись еще две машины врага. Приближаясь, немецкие танки обрушили весь огонь на первую позицию, выбранную Коноваловым, но разрывы снарядов, поднимая вверх куски земли, не могли причинить никакого вреда советскому танку, потому что он был уже на другой позиции. И оттуда, открыв огонь, уничтожил еще один танк. KV бил в упор по мечущимся танкам. Потеряв четыре машины, фашисты вынуждены были откатиться назад. Им показалось, что против их бронированной армады воюют несколько «Призраков», как еще в начале войны окрестили немцы советские тяжелые танки KV за их неуязвимость. Снаряды, выпущенные из танковых пушек противника, попадали вроде бы в цель, но танк оставался в строю и бил почти всегда без промаха. Лейтенант Коновалов понимал, что в той обстановке, когда на их единственный танк обрушили огонь столько орудий врага, нужно иметь такт по отношению к своим подчиненным. Повышать голос он ни в коем случае не старался, допускать грубость – тем более, потому что любая грубость может вызывать только ответную реакцию. Поэтому голос командира танка Коновалова был ровный и уверенный, и это спокойствие передавалось также всему экипажу их боевой машины.

К исходу первой атаки фашистов солнце было уже в зените. Внутри танка KV стало жарко и душно. У механика-водителя Козыренцева пот тек из-под шлема и заливал глаза. Чувствовалась и усталость из-за сильного напряжения. Он четко выполнял указания командира танка лейтенанта Коновалова, выводя вовремя машину из зоны обстрела и быстро перемещаясь на новую замаскированную позицию. От его действий не в последнюю очередь зависела жизнь и танка, и экипажа. Эти движения, как ему казалось, походили на танец со смертью, поскольку в любой момент противник мог уничтожить и танк, и всех, кто в нем находился. Козыренцеву почему-то почудилось, что в ходовой части машины во время движения появилась какая-то помеха. Он решил проверить механизм, вызывавший подозрение, да и время было обеденное. Появилась небольшая передышка. Даже тут сказывалась немецкая пунктуальность. 37

Козыренцев через нижний люк выбрался наружу, чтобы осмотреть катки, которые больше всего страдали из-за тяжести танка. Неисправность была, но не столь серьезная, и он управился один, не вызывая подмогу. «Ну что там?» – поинтересовался Коновалов, когда механик-водитель залез в танк. «Ничего серьезного... шплинт вылетел... все уже сделал, – ответил Козыренцев. – Будем дальше воевать». Коновалов решил подбодрить экипаж: «Ребята, будем бить фрицев еще точнее и сильнее. Вот увидите – они еще не раз побегут назад. Наверняка теперь нас будет атаковать пехота, чтобы отвлечь внимание. Это их привычная тактика». Коновалов, воюя на Северо-Западном фронте, не раз наблюдал, как немцы применяли метод «ложной атаки», чтобы усыпить бдительность противника и ударить внезапно из замаскированной позиции противотанковой пушкой крупного калибра. Противник, скорее всего, догадывался, что на их пути встал танк КВ.

О чем же еще думал в эти минуты лейтенант Коновалов? Какие чувства были у него внутри?.. Было ли ощущение страха?.. Возможно, было, но он хорошо осознавал, что человеку военному нужно выполнить приказ – любой ценой остановить врага, быть может, даже ценой собственной жизни. Экипаж танка мыслит, видимо, точно так же – все они в момент опасности стали друг для

друга намного ближе, как братья. Теперь они стали одной маленькой семьей, где все было основано на полном взаимном доверии.

Коновалов в какой-то степени догадывался, что немцы захотят их выманить отвлекающим маневром. Посылая в атаку пехоту, они, видимо, будут надеяться, что танк выберется из укрытия на открытое место и откроет огонь из пулеметов, и подбить его тогда будет не так сложно.

После небольшого перерыва немцы вновь пошли в атаку. Коновалов заметил движение автомашин с пехотой, что подтвердило его догадку. «Бьем без остановки осколочно-фугасными по машинам с предельно досягаемой дистанции», – предупредил он Дементьева и Герасимчука. И как только машины с пехотой, раскачиваясь на дорожной неровности, оказались около линии огня, Коновалов, чувствуя легкую «добычу» для КВ, громко скомандовал: «Огонь!» Почти после каждого выстрела от грузовиков оставалась груда искореженного металла с легко горящими разбросанными частями. Противник, наверное, думал, что не будет такого шквала огня с дальней дистанции. Но лейтенант Коновалов угадал замысел врага и опередил его. К концу скоротечного сражения на поле боя остались только остовы четырех горящих автомашин. От них в разные стороны разбегалась оставшаяся в живых пехота. Когда подбивался танк врага и летели вверх тормашками после удачного выстрела грузовики фашистов, лейтенант Коновалов радовался, ликовал, как и все его танкисты. На войне жизнь на какое-то время приобретает особый смысл, не всегда поддающийся объяснению. Можно ли было это назвать жестокостью – Коновалов не мог дать на это точный ответ. Он ловил в прицел очередную машину врага, давал команду на выстрел и наблюдал за тем, как снаряд, выпущенный из 76,2-миллиметрового орудия, крошил врага, заставляя отступать. Если бы они этого не сделали, то сделали бы это фашисты. Они, по мнению Коновалова, были крайне жестоки к своему противнику. Только не понимал лейтенант Коновалов в такие минуты, что двигало ими, на что они рассчитывали или были так одурманены фашистской пропагандой, что уже ничего не понимали или же ничего уже не хотели понимать, потеряв человеческий облик. Немцы на этом и не думали успокаиваться. Они двинули на танк Коновалова более пятидесяти боевых машин. Это была очень грозная сила, и Коновалов спешно поменял позицию своего танка. Снаряды, рассекая воздух, с грохотом стали падать туда, где только что был советский танк.

Коновалов подпустил боевые машины противника на расстояние чуть ближе, чем раньше, и стал в упор расстреливать из другой, доселе не замеченной врагом позиции. Выпущенный из КВ снаряд угодил в башню переднего танка с такой силой, что вырвал ее с корнем. Коноваловский экипаж ликовал... Все с

немецким танком Panzer III произошло мгновенно. Очередной выстрел из пушки пробил броню второго немецкого танка и угодил, скорее всего, в топливный бак, отчего боевая машина тотчас оказалась в сплошном пламени. После этого среди вражеских танкистов появилось, видимо, смятение. Они замедлили движение. Но потом сразу с десяток средних танков противника, маневрируя среди горячей техники, стали увеличивать ход. Но эти машины были совершенно несерьезными против мощной брони КВ и его 76,2-миллиметровой пушки. Несколько снарядов угодили в танк Коновалова, но кроме оглушающего удара танкисты ничего не почувствовали. Они опасались только одного: как бы противник не подтянул для ближнего боя зенитную пушку или 105-миллиметровое противотанковое орудие. Одна из машин врага неожиданно подставила под прицел КВ свой бок, и выстрел из танка Коновалова снес сразу все ходовые катки. Немецкую машину следовало добивать. Тогда еще один снаряд со страшной силой ударил в боковую броню, после чего немецкий танк опрокинулся и продырявленным боком устался в небо. Вспыхнул бензиновый двигатель, и сразу же появился султан черного дыма. Экипаж немецкого «панцера» не сумел, видимо, покинуть танк и сгорел заживо. После этого боевые машины замедлили ход, остановились и начали пятиться назад. Это, вероятнее всего, был отвлекающий маневр, потому что на левом фланге два легких чешских танка незаметно под прикрытием дымовой завесы начали стремительно приближаться к «стальной крепости» Коновалова. И тут же орудие КВ обрушило огонь на танк, который оказался ближе, смешав его с землей... Фашисты снова вынуждены были отступить, оставив гореть на открытой местности еще шесть танков.

День стал клониться ближе к закату. Заканчивался и боезапас КВ. Следующая атака немцев могла уже стать для Коновалова и его экипажа последней. «Неужели это все? – спросил сам себя Коновалов. – Неужто так близок конец танго со смертью?» На всякий случай он предупредил техника-лейтенанта Серебрякова и своих подчиненных о том, что следовало им делать, коли танк подобьют. Сражаться он был намерен до последнего снаряда, конечно же, но противник в любом случае попытается уничтожить их танк. Немцы рвались вперед: за хутором Нижнее Митякинское проходила железная дорога, которая вела прямо к Сталинграду.

В душе Коновалов почему-то не переставал надеяться, что майор Савченко придет к ним на помощь со своей бригадой, и они одолеют противника, повернут его вспять, чего бы это ни стоило. «Это же наша земля! Зачем мы должны бесконечно отступать? – думал он. – Мы одним танком столько фашистов уничтожили, а если бы нас было больше...». Мысли были разные,

но в это время он услышал рычание немецкой техники и понял, что на этот раз, видимо, предстоит решающее сражение и его танка, и его экипажа с хваленными фашистским вояками. Выдержат ли они, сумеют ли выстоять – Коновалов и не знал, и не мог предполагать. А противник теперь знал, что перед ним всего один советский танк, который постоянно меняет позицию, и что у него, наверное, на исходе боезапас.

Лейтенант Коновалов чувствовал, что к лету 1942 года немцы достаточно успешно научились бороться с советскими КВ. Теперь этот танк для немцев не представлял, казалось бы, такую угрозу, но, судя по всему, броню его не всегда пробивали орудия легких и средних бронированных машин. Ломались КВ довольно часто. В этом лейтенант Коновалов лично убедился. Но на фронте эти танки в тот период являлись грозным оружием. Под хутором Нижнее Митякинское лейтенант Коновалов применил новую тактику, отчего немцы уже понесли значительные потери и в технике, и в живой силе.

Стали близиться сумерки. Над полем боя от чадающего дыма подбитой техники появилась легкая дымка. Противник во что бы то ни стало, любой ценой хотел ликвидировать неожиданно возникший очаг сопротивления.

После второй безуспешной попытки враг, перегруппировавшись, снова начал атаку против советского танка. Лейтенант Коновалов в бинокль увидел, что немцы теперь вперед послали более тяжелые танки Panzer IV. КВ с расстояния в шестьсот метров ударил по самой мощной машине противника. Немецкий «панцер» резко встал, и из него повалил густой черный дым. Но, спустя мгновение, вся армада направила орудия на КВ и открыла шквальный огонь. С десятков снарядов ударили по лобовой части советской машины, но не сумели пробить крепкую броню. Еще больше снарядов взрыли землю вокруг. За танками противника следовала пехота. И это не сулило ничего хорошего для советской боевой машины. Коновалов, оценив ситуацию, вывел свой танк из укрытия на вершину холма, чтобы было удобнее стрелять не только из орудия, но и из пулеметов. Из второго пулемета начал вести огонь техник-лейтенант Серебряков, потому что совсем близко появились цепи наступающей пехоты. Машины врага постоянно маневрировали, совершая движения то вправо, то влево, не давая возможности Дементьеву прицеливаться. Но как только в системе прицеливания появлялся вражеский объект, он докладывал командиру: «Есть на мушке!..» И тут же звучала команда «Огонь!» Машины врага постоянно натывались друг на друга. Некоторые попадали в болотистое место, где полностью теряли подвижность и могли вести огонь лишь с дальнего расстояния, не причиняя вреда КВ. Эти снаряды оставляли на броне советского танка только отметины в виде кружочков.

От командира танка постоянно приходили команды: «Ориентир третий... прямой выстрел бронбойным под башню – огонь!.. Ориентир – машина с пехотой... осколочно-фугасным – огонь!». Коновалов полагал, что, если подбить впереди идущий танк и не давать опомниться остальным, то можно выиграть не менее пяти-семи минут. Это был шанс хоть как-то замедлить движение армады противника.

Танки врага приблизились на расстояние не менее шестиста метров и открыли сильный огонь. Мигнула вспышка из пушки Panzer IV, и серебристая трасса уперлась прямо в КВ. Затем последовали еще три попадания. «Русский богатырь» не реагировал. Фашисты подумали, что с ним уже покончено... Но башня КВ развернулась, нащупала цели и стала методично их уничтожать из 76,2-миллиметрового орудия и пулеметов. Две машины врага основательно были повреждены. Грузовики, подбитые танком Коновалова, догорали по обочинам дороги, и их дым мешал продвижению остальным.

Не все танкисты были в состоянии выдерживать то напряжение, которое возникало в моменты боя. Один легкий немецкий танк развернулся и начал убегать. Выстрел... Пламя... И уже вражеская машина с продырявленным корпусом осталась там же, где, не переставая, горели ранее подбитые машины. Экипажи расползались кто куда, спасаясь от очередей пулеметов Червинского и Серебрякова. Патроны к пулеметам имелись в достаточном количестве, да и у уходящей колонны взяли кое-что про запас. Теперь все это очень пригодилось. Коновалов дает уже следующую команду Дементьеву: «Не упусти... еще один чуть левее... Убегает». А наводчик – настоящий снайпер. С первого снаряда разбил и этот танк. «Ура!» – закричали танкисты, заметив смятение в рядах противника.

КВ стал маневрировать между подбитыми немецкими машинами, стреляя на ходу из пулеметов по пехоте, но... снаряды почти закончились. Заряжающий Герасимчук тянулся уже за последним, как сразу две находящиеся впереди машины врага прекратили наступление и стали отходить назад. Это был для Коновалова и его экипажа плохой знак. И точно – немцы подкатили на ближний бугорок противотанковую 105-миллиметровую пушку. С расстояния менее ста метров внезапно грохнул выстрел по КВ. Это привело к тому, что траки боевой машины были повреждены, и она оказалась обездвиженной. Дементьев навел прицел на противотанковое орудие врага с последним снарядом... Но с той стороны внезапно грохнул еще один выстрел... Мелькнул клубок огня... Раздался отрывистый треск – прямое попадание. Затем последовало второе и третье попадание. Видно было, как офицеры и солдаты врага заликовали, почувствовав, что советский танк умирает...

Внутри КВ все заволочло дымом, и Коновалов приказал всем покинуть боевую машину. Первым делом нужно было сбросить или отключить шлемофон, иначе можно было погибнуть от удушья, а потом через нижний люк поскорее выбраться наружу. Подбитая машина – это легкая мишень, которую всегда старались добить вторым-третьим выстрелом, а лучше всего для надежности сжечь. И в данный момент фашисты стали делать именно так.

Страшная потеря и чудесное спасение

Тяжело было воевать танкистам. Умереть в равной степени мог любой член экипажа. Если думать, что сидящие в корпусе имеют большую безопасность, то это не совсем так. Опасно было и там, и в башне. Тут все зависело от судьбы...

Спаслись только трое – Коновалов, Дементьев и Серебряков, который, покидая танк, успел прихватить с собой пулемет с патронами. Остальные, погибнув, остались внутри горящего танка.

Трое танкистов, не замеченные фашистами из-за наступающей темноты и дыма от горящих машин, скрылись в высокой траве. Пока где ползком, а где пригибаясь низко к земле удалялись от объятых пламенем танка, Коновалов с щемящим чувством боли в сердце, не переставая, корил себя за то, что не смог вытащить из погибающей машины своих боевых товарищей. Душевная боль, поселившись внутри, долго еще не оставляла его, заставляя постоянно размышлять о только что постигшей страшной потере. В один миг его команда лишилась сразу четверых человек. «Это война, и она никого не щадит... А может быть еще кто-то смог выбраться из горящей машины?.. Возможно же такое...», – вертелось в голове Коновалова. Еще только утром механик-водитель Козыренцев поделился с ним, как часто в последнее время снятся ему по ночам родительский дом, близкие сердцу места и родная Орловщина. Пока было время, он, не прерываясь, рассказывал: «Вижу постоянно водяную мельницу. Она старая и неказистая, из толстых бревен, которые от времени приобрели дымчатый цвет. Внутри совсем мало света. Тишина, когда мельница не работает, и серо-черный полумрак. Посередине – каменные жернова: два огромных камня округлой формы с отверстием в центре для крепления механизма. Кустарники и высокие деревья вокруг... Заброшенную мельницу потом восстановил колхоз. И она продолжала еще долго служить людям. Вернулся туда и старый мельник, который, вероятнее всего, сильно истосковался по мельнице. Покрытый мучной пылью, время от времени он выходил посидеть на скамью. Всегда выглядел спокойным и уверенным, а походка у него стала совсем хозяйственная... Я с детства помню эту мельницу, потому что частенько после школы сворачивал

к ней. Тогда мне чудилось, что через маленькие окошки постоянно кто-то наблюдает за мной. Наверное, никого и не было, но некоторые говорили, что там видели привидение. А мне хотелось своими глазами увидеть это приведение из чисто детского любопытства. Крыша из щепы... Вода течет... Колесо крутится... И я вот думаю, командир, что так и жизнь: течет-течет, а потом, как эта мельница, вдруг остановится... и все забудется. Неужели такое может случиться, командир?..» Пока механик-водитель все это рассказывал, Коновалов смотрел на него и в знак согласия постоянно кивал головой, думая про себя, насколько нежной, чувственной и романтической оказалась натура у этого человека. Козыренцев, видя одобряющие кивки, продолжал дальше: «Потом, когда мельницу вновь запустили, я снова стал приходить туда. Мне было интересно... Мельник брал мешок с зерном на спину и по деревянной скрипящей лестнице нес его на второй этаж. Там он содержимое мешка высыпал в бункер. Сам с ног до головы весь в муке, только зубы сверкают. Добрый и щедрый был мельник... Я его сегодня видел во сне, хотя самого мельника давным-давно уже нет... Что-то мне тоскливо стало», – признался он в конце.

«Почему же мы их не вытащили?.. Могли бы ведь, наверное», – опять накручивал себя лейтенант Коновалов, и мгновенно перед его глазами снова и снова появлялась картина объятых пламенем умирающего танка... с людьми внутри.

Они ушли далеко в поле и увидели старый, осевший от времени стог с сеном. Забравшись внутрь, замаскировались. Надо было немного отлежаться и двигаться дальше к своим. Здесь было тихо и спокойно. Только вдаль все реже и реже еще продолжали греметь орудия.

«Есть хоть что-то? Давайте уж помянем товарищей», – сказал Коновалов технику-лейтенанту Серебрякову. «Вроде как есть... Успел кажется прихватить», – ответил тот, протягивая лейтенанту Коновалову полупустую фляжку с остатками спирта. Все трое сделали по глотку и утерлись рукавом. Больше никому ничего не хотелось. Навалилась страшная усталость, и у всех стали слипаться глаза. Немного вздремнув, Коновалов не стал полностью расслабляться, а начал думать о том, какое направление для дальнейшего движения выбрать, чтобы как можно скорее прийти до своих. Он выглянул наружу и увидел на небе вспыхнувшую круглую серебряную луну. И опять, как утром, запахло травой. Над головой одна за другой загорались звезды. Они обступили так, что поневоле нельзя было думать ни о чем другом, как только об этих звездах. В голову лезли самые разнообразные мысли, мешая сконцентрироваться, но дальше ни минуты нельзя было медлить. Он толкнул в бок Серебрякова, который уже стал храпеть во сне,

тронул за плечо Дементьева со словами: «Пора нам выбираться отсюда и как можно быстрее». После этих слов он первым покинул временное убежище.

Выбрали примерное направление, ориентируясь по звездам. Шагали быстро, обходя издалека подозрительные места, чтобы случайно не наткнуться на немцев. Такая опасность была, потому что они теперь были в тылу вражеских войск. Шли через пшеничные поля, срывая на ходу колосья с влажным созревшим зерном. Хлеба сплошь лежали на земле. Из-за войны убирать, видимо, было уже некому. «Такой хлеб пропадает», – пронеслось в голове у торопливо шагавшего Коновалова. Рядом семенил не очень высокий щупленький Дементьев. Серебряков чуть поотстал из-за тяжести танкового пулемета. Они, не останавливаясь, старались пройти как можно больше, потому что идти днем было слишком рискованно. В светлое время, спрятавшись в укромном месте, следовало переждать и набраться сил, а в темноте совершать длительные марш-броски. Так было безопаснее. Уставшие и изможденные, они обрадовались, когда на востоке небо стало покрываться голубизной. Следом из-за горизонта брызнули и первые солнечные лучи. Впереди показалось небольшое поселение. Послышались сиплые голоса ранних петухов. «Совсем, видимо, старые, – подумал Коновалов. – Молодые с приходом немцев вряд ли уцелели... Нужно уходить как можно дальше – так будем целее». Танкисты свернули в сторону и вышли на тропинку, спускающуюся к оврагу. Впереди их ждал журчащий родник. Возникло чувство жажды и голода. Звуки, бегущие через острые камушки, были похожи на голос человека, зовущего испить водицы. Дойдя до источника, стали торопливо горстями пить воду, и никак не могли напиться. Холодная вода текла сквозь пальцы, освежая лицо, вызывая чувство удовлетворения. Потом торопливо достали из карманов колосья и, почти не очищая, стали жевать зерно, утоляя чувство голода. Оставаться здесь было небезопасно, поэтому они стали искать в стороне скрытое от посторонних глаз место. Впереди еще предстоял долгий и нелегкий путь. С риском для жизни они должны были идти туда, откуда с утра начали доходить до них орудийный грохот и треск пулеметных очередей. Немецкая авиация уже чуть свет стала наносить бомбовые удары. Они нашли удобное и укромное место в густой чащобе ивняка и прилегли, чтобы переждать до вечерних сумерек. «Бомбят где-то около Верхней Тарасовки, – сказал Коновалов. – Это немецкие юнкерсы... Нашим сейчас очень тяжело там...» Они без труда научились определять по характерному звуку авиацию противника. «Да, силы неравные», – согласился Серебряков, тяжело вздыхая. Они понимали, что передовая почти рядом, но с каждым часом она, видимо, будет удаляться – немец наступал напористо и без

остановки. Тихим и непривычно монотонным голосом вдруг заговорил Дементьев: «Господи, и ты все еще продолжаешь укреплять человека, поддерживать его в страшном обезумевшем деянии? Вроде бы могучая и вечная природа должна принести утешение, равновесие духа и гармонию. Но нет же... Только ведь совсем уже проклятые, оставленные Богом посягают на величие и красоту мира, думают об уничтожении всего, что цветет, растет и радуется жизни. Как страшно, что этих безумцев так много! Как страшно и несправедливо, что они предполагают какую-то «цель»... Ради чего они считают возможным разрушить чье-то жилье, отнять чью-то жизнь... Свою, чужую ли, пусть даже самого незнакомого народа. Они ведь нас почти не знают... Совсем-совсем не знают. Кошунственно разрушать и убивать ради чего-то... И ради чего?!»

Коновалов удивленно смотрел на старшего сержанта Дементьева и думал, что он ведь почти ничего не знал об этом человеке. Знал только, что он башнёр и очень ловкий в своем деле. Глубокие, светящиеся изнутри глаза Дементьева говорили о том, что он умен, рассудителен. Человек, с которым Коновалов рядом уже не один день, заговорил так ясно и понятно о смысле, значении, вечности жизни и о его пороках. Но в одном он все же не был согласен с Дементьевым. О немцах было известно много хорошего и в какой-то степени раньше все же понимали их. Но эти, одурманенные гитлеризмом, совсем были не похожи на тех, кого знали в совсем недавнем прошлом. Ядовитая, маниакальная идея одного человека, возможно и не одного даже, овладела массами и стала неуправляемой силой по уничтожению других. «Да, мы другие, не такие, как они, – думал Коновалов. – Но ведь убогая, босая, малограмотная крестьянка и то, возможно, знает, что этого делать нельзя, что это недопустимо. А цивилизованные люди, каковыми считают себя немцы, думают, что можно... В мире накопилось столько безумия и злой воли, сколько и прогресса, ума, знаний, человечности, дружбы. Сегодня и то, и другое – на чаше весов. Остается одно – верить в добро и согласие, верить в то, что они, верящие в добро и справедливость, могущественнее, гораздо сильнее зла, что они, рано или поздно, все равно победят ее. Но сколько еще прольется крови, людских слез. Неужели Бог не видит всего этого? Неужели нельзя все это вовремя остановить?..»

Тут Коновалову припомнилось посещение с матерью в совсем еще юном возрасте Спасо-Преображенской церкви в селе Майдан. Сейчас перед его глазами явственно возникла картина божьего дома с высокой, устремленной в небесную высь четырехъярусной колокольной из красного кирпича. Эта церковь являлась настоящим украшением села. Когда звонил полуторатонный колокол, по всей округе разносился его звук, слышимый на расстоянии до пятнадцати

километров. Многие путники, заблудившиеся в зимнюю пургу, шли на звон колокола и искренне благодарили Бога за чудесное спасение...

Оставив техника-лейтенанта в дозоре, командир танка и башнер мгновенно оказались в объятиях сна от тяжелой усталости.

9-я армия, в составе которой была 15-я танковая бригада, очутившись в тактическом окружении и действуя разрозненно, без надлежащего управления, не смогла организовать долгое сопротивление врагу. Не был создан ударный кулак, чтобы пробить брешь, сделать ворота и организованно вывести материальную часть, боевую технику и личный состав. Войска в одиночку и группами – все двигалось самотеком. В результате артиллерия и другая боевая техника оказались оторванными от баз снабжения и без боеприпасов. Командиры по приказу и собственной инициативе вынуждены были уничтожать боевую технику, приводить в негодность материальную часть и в связи с невозможностью тащить ее дальше начали бросать. Отходящие колонны советских войск преследовались надземными войсками противника, а также боевой и разведывательной авиацией.

Противник был всегда осведомлен о силе, составе группировок и направлениях отхода наших войск. Немцы перехватывали пути отхода высадкой десантов и систематической бомбежкой уничтожали, рассеивали наши войска.

14 июня 1942 года 15-я танковая бригада в районе станции Ново-Александровский, ввязавшись в бой с пятнадцатью танками и мотопехотой противника численностью до одного полка, уничтожила три танка, два противотанковых орудия и до пятидесяти солдат противника. Потери бригады составили три танка Т-26. В этот день, не имея особого сопротивления противника, она заняла хутора Отважный, Водяной, Дробязский, Россошь и с наступлением темноты совместно с танками 140-й и 5-й гвардейской танковых бригад зашла в хутор Сидоро-Ивановка. Силы противника численностью до двух батальонов взяли их в кольцо, и в такой обстановке они начали прорываться к городу Каменску.

Из донесения разведки командир 15-й танковой бригады майор Савченко уже знал, что 13 июля немецкие части вошли в хутор Нижнее Митякинское и, не задерживаясь, продолжили наступательное движение в сторону города Каменска. Командиру бригады, наверняка, хотелось, чтобы танк лейтенанта Коновалова как можно скорее добрался до места дислокации воинской части. Скорее всего, он и не предполагал, что коноваловский танк мог вступить в бой с многократно превосходящими силами противника. Ему нужно было узнать и о судьбе первого экипажа КВ.

Разведгруппа на двух мотоциклах, имея приказ командира об установлении связи с экипажами КВ, оставленными для ремонта в районе хуторов Красновка-Ковалевка и Нижнее Митякинское, скрыто подошла сначала к первому экипажу. Здесь они обнаружили подбитый советский танк и шесть уничтоженных фашистских бронированных машин. От местных жителей разведчики узнали о судьбе экипажа, героически сражавшегося с превосходящими силами противника. Все они погибли и были похоронены на местном кладбище. Теперь предстояло выяснить судьбу экипажа второго танка – Коноваловского. На том месте, где осталась боевая машина с экипажем, никого не оказалось. Тогда разведчики направились в сторону хутора Нижнее Митякинское. Вскоре они достигли места, где советский «стальной богатырь» вступил в бой с фашистской армадой. Среди уничтоженных немецких машин на пригорке одиноко высился КВ с пробоинами в корпусе и множеством вмятин. Тела погибших танкистов обгорели. Разведчики низко склонили головы перед мужеством и отвагой героически погибших воинов-однопольчан. Ведь они были и молодыми, и сильными и, конечно же, страстно любили жизнь. Но когда пришло время защищать честь и свободу своей страны, своей Родины, они без особого страха в неравном бою с ненавистным врагом сложили свои головы. Разведчиков поразил масштаб сражения единственного советского танка против многочисленной группировки противника. На обочине дороги разведчики заметили остовы восьми разбитых автомашин фашистов. Небольшое пространство напротив погибшего советского танка было усеяно подбитыми танками неприятеля. Они были в различных позах и имели страшные повреждения: вырванные с корнем башни, оторванные боковые люки, полностью разбитые ходовые части, пробитые корпуса с огромными дырами в боку. В этом смертельном бою экипаж уничтожил, кроме восьми автомашин с пехотой, шестнадцать танков и самоходок, два бронетранспортера. Почти рядом с советским танком командир разведгруппы лейтенант Панкратов увидел разорванный на куски бронетранспортер врага со следами наезда КВ. У восьмитонного немецкого бронетранспортера тонкий десантный кузов и капот были полностью подмяты. Видимо, КВ уничтожил вражескую машину со всеми, кто в нем находился, затем резко крутанул, вдавливая в землю и машину, и людей.

Останки обгоревших героев-танкистов разведчики вместе с жителями хутора Нижнее Митякинское тайно похоронили на местном кладбище. Вернувшись к своим, они доложили командованию о героической гибели экипажа танка и о больших потерях врага во время этого боя.

С наступлением сумерек отдохнувшие танкисты продолжили движение на восток, откуда днем, ни на минуту не умолкая, доходили до них звуки жестокого

сражения, развернувшегося между обороняющимися частями советских войск и наступающим противником.

На этот раз пулемет пришлось нести Дементьеву. Коновалов шел впереди с небольшим отрывом от своих товарищей, проводя разведывательное действие. Потом по условному звуковому сигналу Серебряков и Дементьев догоняли его. Некоторое время они шли вместе. Затем все снова повторялось. Так идти было гораздо безопаснее.

15 июля на рассвете, когда только-только стали появляться проблески первых лучей солнца, они остановились на привал, оказавшись в нескольких километрах от небольшого хутора. Жажду утоляли родниковой водой из единственной фляжки. Немного погодя появилось чувство голода. Думали дойти до поселения, чтобы разжиться едой, но подвергать себя опасности из-за этого не стали. Решили дождаться темноты. На этот раз спрятались в глубине оврага, поросшего множеством кустарников. Рядом с хутором пролегал шлях, по которому к передовой постоянно двигалось пополнение немцев. До танкистов ближе к обеду докатился рев двигателей фашистской техники. «Прут и прут... Даже конца не видно», – с тяжелым вздохом произнес Серебряков. День был жаркий. Особенно сильно стало припекать ближе к обеду. На небе начали появляться перистые облака, указывающие на перемену погоды. Отдыхали танкисты посменно. Кто-то из троих был на дозоре, а другие в это время спали, хотя назвать это сном можно было лишь с небольшой натяжкой.

После полудня из-за горизонта стремительно и напористо надвинулась темная туча, и как-то разом заволочло все небо, заточив на некоторое время в темницу солнце. Стало хмуро. На какой-то миг все притихло. Резко задул ветер, поднимая пыль. Ослепительная молния вспорола небо, прогремел гром. И через небольшое время с неба обрушилась лавина дождя. От раскатистых ударов грома не слышно стало ни орудийных выстрелов, ни пулеметных очередей. Силы природы решили, наверное, ненадолго прекратить военные действия, чтобы люди задумались о том, как ничтожны и тщетны усилия человека перед Всевышним... Молнии вспыхивали одна за другой почти непрерывно. Нисколько не утихая, гремела в тучах гулкая небесная канонада. От этого блистания и грохотания у каждого, кто оказался под воздействием стихийных сил, видимо, трепетно сжималось сердце... Коновалову в момент удара молнии и резкого звука грома вспомнился ямбулатовский яблоневый сад. В тот день он убегал от грозы, оставив в сарае для садового инвентаря одинокого старика-охранника. Оказавшись дома, он с тревогой подумал тогда: «Как же пожилой человек может выдержать удар стихии в этом слабеньком укрытии?..» Гроза бушевала 49

недолго. Оборвалась она так же разом, как и началась. Тучи разбежались и исчезли за горизонтом. Еще ярче засияло солнце, переливаясь мириадами радуг в свисающих с деревьев листьях и каплях на траве. Танкисты промокли, но не сильно. После дождя дороги на время стали малопригодными для тяжелой техники, и движение по шляху прекратилось. Чувство голода заставило танкистов выйти из укрытия. Они решились дойти до хутора, чтобы добыть хоть какую-то снедь с огородов. Оставив пулемет, вперед ушел Дементьев. Коновалов с Серебряковым прикрывали его с тыла, потому немного поотстали.

Солнце начало клониться к закату. Косогоры, хаты, изгороди ненадолго озарились светом догорающего дня. Дементьев шел с опаской, постоянно останавливаясь и прислушиваясь. Прокравшись к окраине хутора, пролез через камышовые заросли. По левую сторону от него оказалось кладбище, откуда внезапно до его слуха донеслись приглушенные женские голоса. Он низко пригнулся к земле и замер в ожидании. Простое человеческое любопытство все же взяло верх. Чуть приподнявшись, за оградой, возле могильного холмика, заметил двух женщин, одна из которых была помоложе. Сомнений у Дементьева не было: они, видимо, только что похоронили близкого человека. Потому бояться их не стоило. Дементьев, приблизившись к ним, вполголоса, чтобы не напугать, сказал: «Бояться меня не нужно – я свой...» Женщины вначале встревожились, но потом успокоились. Во время короткого разговора они поведали Дементьеву о том, что произошло у них на хуторе днем.

По шляху второй день в сторону города Каменска двигались немецкие войска. Настя (так звали молодую девушку) решила помочь матери и пошла за водой к роднику. Она и не могла предполагать, насколько для нее это опасно. Когда шла обратно, вроде бы было тихо, и вдруг сзади донесся нарастающий звук работающего движка мотоцикла.

Настя оглянулась и замерла. Около нее остановился «трехколесник» с пулеметом и восседающими на нем фашистами. Бежать уже было поздно. Немцы начали громко разговаривать и смеяться. Долговязый немец снял с шеи автомат, слез с заднего сиденья и подошел к Насте. Она подумала, что ему хочется пить и, пытаясь как-то улыбнуться, выставила перед собой ведро с водой. Но долговязый, вырвав из ее рук ведро, схватил за локоть. Настя каким-то образом сумела освободиться, но убежать не смогла – немец успел подставить ногу. Упав на землю, Настя сжалась в комок. Страх, слезы и сильный испуг девушки не смутили немца, от которого сильно пахло перегаром. Скинув ремень и пилотку, долговязый немец наклонился над девушкой. Те, что

грохнул выстрел. Пуля, попавшая в голову немца, отбросила его назад. Те двое, что сидели на мотоцикле, залегли и открыли бешеный огонь из автоматов по тому месту, откуда прилетел смертоносный свинец.

Воспользовавшись спасительной минутой, Настя пустилась со всех ног в сторону дома. Перед закатом солнца, когда немцы ушли на восток, установилась мертвая тишина. Тогда мать с дочерью решили узнать, что случилось со спасителем Насти. Гроза обошла хутор стороной, и здесь было относительно сухо. В кустах они обнаружили красноармейца, лежащего ничком и сжимающего в руках винтовку. На спине в нескольких местах была запекшаяся кровь. Левая нога ниже колена была перебинтована. Он, вероятнее всего, из-за ранения не смог отступить со своей частью. Перевернув его на спину, они увидели на лице широко раскрытые глаза, а в уголках губ – страдальческие морщины. Он был совсем молодой, но у него хватило смелости ценой собственной жизни остановить фашиста, пытавшегося обесчестить беззащитную и беспомощную девушку. У этого парня было большое мужественное сердце. Такими качествами обладали много-много погибших неизвестных советских солдат, оставшихся навечно лежать в земле... В кармане гимнастерки была небольшая фотокарточка девушки. На обороте имелась надпись: «Алеше от Зои. Май 1941 г.».

Дементьев не вправе был говорить, что он не один и что неподалеку ждут товарищи, направившие его сюда в поисках еды. Мать Насти это поняла – подсказало женское чутье. Пообещав вернуться, они ушли. Спустя некоторое время женщина вернулась одна, передала Дементьеву узелок со снедью и проводила со словами: «Пусть сохранит вас Бог! Идите быстрее к своим и бейте фашистов!». Коновалов с Серебряковым его заждались. Когда Дементьев вернулся, наступившие сумерки, сгущаясь, уже превратились в темноту, и он смог определить их местонахождение только по условному сигналу. Подкрепившись, они двинулись дальше по заранее определенному днем маршруту. Сколько им еще предстояло идти, чтобы добраться до линии фронта и выйти к своим, они и не представляли.

Шагали споро, но с той же осторожностью, что и раньше. Выглянувшая луна, запутавшаяся в подсвеченных желтым цветом ветках деревьев, попадавших на их пути и появившиеся над головой звезды давали представление о том, в каком направлении следовало двигаться. Шли молча, и каждый, по всей вероятности, думал о чем-то своем. Коновалов вспомнил, что он когда-то любовался таким же безмерным космическим океаном, мечтая совершить полет на аэроплане. В эти минуты в его сердце пробралось какое-то чувство жалости. Но он жалел не себя, а маму, которая, конечно же, переживала за него и за

Порфирия. Что с Порфирием, где он – Семен не знал. Вестей матери в последнее время он не слал, поскольку сделать это было весьма сложно... На этот раз впереди был Дементьев, а рядом с Коноваловым тяжело шагал Серебряков. Ему снова пришлось нести пулемет. Пока они были в ожидании Дементьева, разговорились, и Коновалов узнал, что техник-лейтенант оказался родом из Чухломы. «Где это?» – поинтересовался Коновалов. И техник-лейтенант с ноткой тоски в голосе поведал: «В Костромской области... У Чухломского озера. У нас там очень красивые места. Кругом болота, но есть и леса. Правда, около Чухломы их мало. Городок наш небольшой и, по сути, он похож на большую деревню. Когда-то была в месте впадения реки в Чухломское озеро мощная крепость с дозорными башнями, а сейчас на ее месте городская сад. Краеведы говорят, что прадед Михаила Юрьевича Лермонтова, Юрий Лермонт, имел в наших краях имение. В округе есть и церкви, и монастыри. Действующих мало – все заброшенные. Места для рыбалки, конечно же, изумительные, лучше и не найдешь». Коновалов также поделился рассказом о своем родном крае.

К исходу 15 июля, на триста восемьдесят девятый день войны, передовые части 4-й танковой армии, в состав которой теперь вошла 15-я танковая бригада, вышли в район Миллерово – Морозовск, а 1-я танковая армия достигла района Верхняя Тарасовка – Глубокий (в 30-50 км южнее Миллерово). Соединения 24-й армии, выдвигавшиеся из резерва Южного фронта в район Миллерово, не смогли остановить наступавшие на этом направлении 40-й и 3-й армейские корпуса вермахта и под их ударами стали отходить на юг и юго-восток. Войска Южного фронта, глубоко охваченные противником с северо-востока и востока, вновь оказались в тяжелом положении. В связи с этим Ставка решила отвести войска Южного фронта из Донбасса, чтобы они могли во взаимодействии с частями сил Северо-Кавказского фронта организовать оборону по левому берегу Дона от Верхне-Курмоярской до Багаевской (50 км восточнее Ростова) и далее по оборонительному рубежу, подготовленному на северных подступах к Ростову. В этот день войска продолжали сражаться с противником и в районе Воронежа. К исходу дня после ожесточенных боев были оставлены врагу Богучар и Миллерово.

16 июля 1942 года к городу Каменску стала двигаться со своими подвижными соединениями танковая армия Клейста, в результате этого наступления немцев советские войска, оказавшись частично в окружении, стали пробиваться к реке Дон, где остановился фронт.

Выход к своим на захваченном вражеском танке

К утру 16 июля танкисты оказались возле станицы Гундоровской. С правой стороны была река Северный Донец. Впереди по-над лесом тянулась гора, изрезанная буераками. Они нашли защищенное от человеческих глаз место на берегу в зарослях ракатника и расположились на отдых. На этот раз Коновалов был дозорным. Рассвело. Природа предстала во всем великолепии. От небольшого ветерка рябила водная гладь, переливаясь на солнце. На чисто синем небе – ни тучки. На противоположном берегу желтым цветом пылал тростник. Река серебристой лентой неспешно устремлялась на восток. К середине лета она сильно обмелела. Появились многочисленные перекаты и островки. Не помогли, видимо, прошедшие недавно ливневые дожди. Коновалов лег на спину и смежил веки глаз. Не хотелось ему ни самолетного гула, ни артиллерийской канонады, которая началась с раннего утра. От навалившихся смешанных чувств ему подумалось: «Все вроде должно быть ясно и просто. Всем людям на земле хочется одного и того же – доброй и здоровой жизни. Но почему-то делается все наоборот...» Вдруг все моментально выскочило из головы – рядом с ними внезапно раздался гул мотора. Вмиг открыли глаза и Серебряков с Дементьевым. На берегу, всего в нескольких метрах от них, остановился танк с черным крестом. Раскрылся башенный люк и оттуда вылезли трое немцев. Они с хохотом, оживленно жестикулируя, направились к реке. Один решил искупаться, а двое вернулись к танку и закурили. При виде беззаботных немцев в голове Коновалова сразу же мелькнула мысль: «Нужно любой ценой завладеть танком!». В период учебы в военном училище Коновалов изучал устройство немецких танков, а потому водить танк врага для него не было проблемой – он знал, где какие рычаги расположены и как управлять бронированной машиной. Перед ним был танк Panzer IV, применявшийся вермахтом с первых дней войны. Экипаж состоял из пяти человек. Значит еще двое остались внутри танка. Действовать нужно было очень быстро, пока не появился еще кое-кто. Семен посмотрел в глаза своих товарищей и тихонько спросил: «Может захватим?.. Лучше уж рискнуть, чем топтать пешком... Ну как?». Зная, как Коновалов умело и решительно действовал в бою, и Серебряков, и Дементьев сразу же согласились. Они незаметно подобрались к немцам и разделились. Серебряков на прицел пулемета взял двух фашистов, что были около танка. Дементьев с пистолетом подобрался к тому, который полез купаться. Тех, что были в боевой машине, Семен взял на себя. Как только Дементьев уничтожил купающегося в реке немца, застрочил пулемет Серебрякова, и еще двое фрицев остались лежать на земле. Коновалов сразу же запрыгнул на броню танка, а тут из люка навстречу 53

ему высунулся офицер. У Семена в руке был только нож. Стрелять внутри было опасно. Удар ножом... На его плечах он ввалился в танк. Последний немецкий танкист, стрелок-радист, успел лишь широко раскрыть глаза при виде своего осевшего командира, и следующий удар ножом завершил смертельную схватку.

Услышав стук сапог по броне, Коновалов решил как можно скорее освободить внутренность танка от уничтоженных им немцев. Он приподнял обмякшее тело убитого офицера над собой, чтобы Серебряков с Дементьевым подхватили и вытащили его. Но вместо этого те стали дубасить его по голове, думая, что немец подмял под себя Коновалова. «Перестаньте бить его – он уже мертвый!» – прокричал снизу Коновалов, и только после этого наверху поняли, что следует им делать. Для пущей безопасности натянули на обгоревшие хлопчатобумажные комбинезоны немецкую форму, замаскировавшись под вражеский экипаж. В дороге ведь всякое могло случиться. Когда знакомились с механизмами внутри танка, Серебряков увидел рядом со снарядным отсеком ящик, где оказались две объемные банки с консервами. Одну он передал Коновалову, а свою торопливо вскрыл перочинным ножом, где оказались только вареные овощи. Понюхав и побрезговав содержимым, Серебряков выбросил банку в открытый люк. У Коновалова оказались мясные консервы, а под ними – овощи, которые были точно такие, как у Серебрякова. Получается, что он открыл с другой стороны, где мясо, а Серебряков с той, где овощи. Увидев расстроенное лицо Серебрякова, Коновалов не сдержался и прыснул со смеху в ладонь, но потом сделал вид, что ничего не произошло. Мясное довольствие, которое досталось им в виде трофея, разделили всем поровну. Они четвертый день мучились без курева, но немцы, выкурив, видимо, последнее, им ничего не оставили. Боезапас машины был под завязку – сто двадцать два бронебойных и осколочно-фугасных 11,5-килограммовых снаряда. Коновалов показал Дементьеву и Серебрякову, как нужно стрелять из 75-миллиметровой танковой пушки, а сам занял место механика-водителя. И здесь он опять вспомнил мастерски владевшего танком Козыренцева. «Как жаль, что мы не сумели вытащить их из танка», – подумал он снова, запуская трехсотсильный карбюраторный двигатель вражеского танка. Танк взревел и через некоторое время оказался у дороги, по которой на восток, поднимая облако пыли, шли к линии фронта немецкие войска. Для Коновалова и его товарищей это был уже реальный шанс, чтобы выйти к своим. Пристроились к колонне. Скорость у танка Panzer IV была небольшая, всего двадцать пять километров в час, но и этого было вполне достаточно, чтобы засветло добраться туда, где слышались гулкие выстрелы из пушек и строчили пулеметы.

*Немецкий средний танк Panzer IV, на котором экипаж
Семена Коновалова добрался до своих*

В сторону Каменска тянулись, пыля по дороге и распугивая птиц своим лязгом и грохотом, механизированные соединения и танки Клейста. Основные силы врага были чуть позади захваченной советскими танкистами машины, которая замыкала колонну из десятка легких чешских танков и бронетранспортеров. Были среди них и грузовики с пехотой. Немецкие танкисты, высунувшись из люков, весело переговаривались между собой. Они вели себя чересчур беспечно и, конечно же, ни о чем не могли догадываться. Фашистские вояки и не ожидали, и не предполагали, что через какое-то время прямо здесь начнется страшная бойня от своего же танка с черным крестом на броне. Когда стали приближаться к передовой, день почти заканчивался, и наступали сумерки. Настал момент, и башня немецкой машины с советским экипажем стала ловить в свою оптику еще ничего не подозревавшего противника. Panzer на мгновение замер, и тут же от Коновалова поступила команда: «По первой цели бронестойким – огонь!» Орудийное жерло полыхнуло пламенем. За секунду выпущенный снаряд преодолел расстояние до намеченной цели. Удар в идущего впереди танка оказался смертельным – кумулятивная струя прожгла броню в кормовой части, и глухой взрыв разнес внутренности танка противника, оставив на дороге лишь бесформенную грудку металла с погребенными внутри фашистами. Коновалов дал указание перенести огонь на другой танк. Ухнул выстрел, после которого очередная жертва «своего» же танка неожиданно вздрогнула и застыла на месте, испуская клубы черного дыма. После этой атаки «пленный» танк

взревел мотором и ринулся вперед, тараня и переворачивая грузовики с пехотой. Растерянные немцы, толком ничего не понимая, открыли запоздалый огонь по бронированной машине из автоматического оружия, не причинявшего ей никакого вреда. Серебряков припал к пулемету и начал стрелять по орущей и разбегающейся в разные стороны немецкой пехоте, разрывая длинными очередями человеческие тела на куски. Внутри у Семена все клокотало. Не было ни капельки страха, а лишь злость на фашистов, которые пришли сюда, на эту землю, чтобы только разрушать и сеять смерть. Они вели себя так, словно хозяева, и будто им дозволено делать все, что захочется. «Но нет... Не бывать этому!» – произнес он про себя, уверенно направляя машину к началу вражеской колонны. Третий легкий чешский танк, попавшийся на их пути, начал разворачиваться и подставил свой бок под 75-миллиметровое орудие Panzer IV. Свой же бронебойный снаряд, выпущенный из своей же немецкой пушки, но только руками советских танкистов прошел боковую броню, будто картон, заставив сдетонировать боеукладку. Взрыв был такой силы, что башню сорвало с места, и перед советскими танкистами упала, словно кусок мяса, чья-то оторванная рука...

Глаза советских танкистов заблестели, когда увидели открывшийся перед ними простор. Теперь нужно было спешить, чтобы как можно быстрее и дальше оторваться от еще не полностью оправившегося противника. Коновалов дал газу, и танк понесся вперед, оставляя за собой столбы дыма от горевшей немецкой техники. Одиноким немецкий танк летел в сторону советских позиций, как ошалелый. Оттуда грянули выстрелы. Уворачиваясь от снарядов своих же пушек, танк на ходу развернул башню с орудием в противоположную сторону. Тут Дементьев случайно увидел возле снарядного отсека белую тряпку. Он схватил ее и стал махать через раскрытый люк, сигналивая, что идут сдаваться. Только после этого прекратилась стрельба со стороны позиций своих войск.

Летом 1942 года Советский Союз опять оказался на грани катастрофы, выдержав в предыдущем году самый первый и к тому же очень страшный удар врага.

Красная Армия снова была вынуждена отступить далеко на восток. Москву хоть и отстояли в сражениях минувшей зимы, но фронт все еще находился от нее лишь в ста пятидесяти километрах. Ленинград оказался в блокаде. На юге после долгой осады советские войска оставили Севастополь. Враг любой ценой пытался захватить Северный Кавказ и выйти к Волге, чтобы окончательно лишить Советский Союз нефти, отрезав основные пути ее транспортировки, и тем

56 самым оставить промышленность, технику нашей страны без топлива. Вновь,

как и в начале войны, наряду с мужеством и героизмом среди отступающих под натиском врага войск появились признаки падения дисциплины, паникерства и пораженческих настроений. Не часто, но бывали случаи, когда среди отдельных групп, убежавших от разрывов гранат и автоматных очередей противника, появлялись красноармейцы, которые с надрывом кричали: «Не могу больше!.. Не вынесу этого!». Бегущие рядом пытались таких вразумить: «Ты же знаешь – за это расстреливают!». А те так и не переставали кричать: «Все равно нам здесь конец – кругом немцы!». Все это происходило при такой обстановке, если рядом не оказывалось командиров и политработников, способных пресечь подобные настроения на корню. В случае, если временно утрачивалось командование подразделениями, это могло привести к постепенному дрейфу красноармейцев в сторону неуправляемой толпы, охваченной единственным стремлением выжить. И тем не менее поддавались этой панической тенденции далеко не все. Намного больше было примеров безукоризненного исполнения военными своего воинского долга. Они готовы были претерпеть любые трудности, даже будучи в кольце врага. Любой ценой пытались прорваться к своим, оказав захватчикам мужественное сопротивление. Точно такими качествами обладали и Коновалов, и Серебряков, и Дементьев. Они, проявив отвагу, уничтожили противника, захватили его технику и пробились к позициям своих войск. Но встреча в расположении своих войск оказалась не совсем такой, какой они ее себе представляли. Связь с 15-й танковой бригадой отсутствовала. Верить Коновалову и его товарищам даже не пытались, потому что были не единичные случаи, когда в расположение советских войск просачивались под видом выходящих из окружения бойцов Красной Армии вражеские диверсанты, сея страх и панику в рядах красноармейцев. И то, что произошло с ними потом, можно было посчитать лишь каким-то чудом. Серебряков был большим специалистом по части бронированной техники, да и в колесных машинах неплохо разбирался. При отступлении под Каюковым он помог молодому водителю завести заглухшую легковую автомашину. И вот теперь, когда их готовили к отправке под конвоем в тыл для дальнейшего разбирательства, судьба его снова свела с этим солдатом. Он оказался личным водителем командира воинской части и сразу же, как только увидел и узнал Серебрякова, доложил напрямую своему начальнику. Только после этого их зачислили в состав танковой роты 27-й танковой бригады. Когда появилась связь с 15-й танковой бригадой, послать сообщение, видимо, не удосужились или просто забыли. Такое в то время случалось сплошь и рядом.

Красная Армия в первые дни Великой Отечественной войны несла 57

огромные потери и в основном отступала. Невероятно, но есть сведения, что советскими войсками использовалась в боях захваченная немецкая техника, в частности танки. В конце 1941 года в целях более организованного сбора и ремонта такой техники Автобронетанковым Управлением Красной Армии был даже создан отдел эвакуации и сбора трофейной техники и издан приказ «Об ускорении работы по эвакуации с поля боя трофейной и отечественной техники и автобронетанковой матчасти». В дальнейшем в связи с увеличением наступательных операций отдел совершенствовался и укрупнялся.

С весны 1942 года в частях Красной Армии немецкая трофейная техника получала достаточно широкое применение. К тому времени были захвачены сотни фашистских машин, танков и самоходных установок. Неповрежденные, годные для боя машины направлялись в действующие войска, а подлежащие ремонту – отправлялись в тыл на заводы Москвы для восстановления. Отремонтированная трофейная техника, укомплектованная экипажами, снова вступала в бой, но уже на нашей стороне. На борта, башни и даже на крышу наносилась большая красная звезда для защиты от обстрелов из своих пушек и налетов советской авиации. Нашими танкистами за комфорт, отличную оптику и радио ценились немецкие танки Panzer III и Panzer IV.

Немцы также интересовались трофейной советской бронетехникой. Большинство захваченных Т-34 в полностью исправном состоянии сразу же вводились в строй и эксплуатировались до тех пор, пока не были подбиты или не выходили из строя по техническим причинам. С середины 1942 года на вооружение частей вермахта, оснащенных трофейными советскими танками, стали поступать машины с германских ремонтных предприятий. Основным из них, специализировавшемся на советской технике, был ремзавод в Риге.

Во второй половине июля 1942 года немецкие войска продолжали наступление вдоль правого берега Дона, стремясь любой ценой выйти в большую излучину реки. Наши войсковые соединения отступали к естественным рубежам, на которых могли закрепиться. 28 июля 1942 года вышел приказ № 227 Наркома обороны СССР И.В. Сталина, известный как «Ни шагу назад!». Он был направлен на повышение воинской дисциплины в Красной Армии. В нем подчеркивалось, что страна стоит на грани жизни и смерти, что «каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину. Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают

врага, ибо, если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог». Этот приказ описывал потери и трудности, показывал путь к спасению Родины – остановить врага во что бы то ни стало!

У танка Panzer IV, на котором теперь пришлось воевать лейтенанту Коновалову и его боевым товарищам, была семискоростная коробка передач, располагавшаяся справа от водителя. Она утомляла танкистов жаром, постоянным воем и непривычными запахами. Но все же приходилось привыкать. У немецкой машины и подвеска была жесткая, и от мотора «Майбах» исходила сильная вибрация. Танк пожирал огромное количество бензина, и его нужно было заливать через неудобную горловину. Одно лишь нравилось Коновалову и его экипажу – просторное отделение. Семену пришлось повоевать на этой машине чуть больше месяца. Однажды им пришлось вступить в бой против шести таких же немецких танков. Фрицы их вначале приняли за своих – ввиду пасмурной погоды различить нарисованные звезды на боковой броне не было возможности. А Коновалову и его экипажу только этого и надо было. Приблизившись к фашистам, первым же снарядом вывели из строя переднюю машину, повредив ходовую часть. Противник был в недоумении, получив выстрел от «своего» же танка. Коноваловский экипаж, воспользовавшись этим, успел ударить броней в боковой корпус второй вражеской машины, которая пыталась объехать поврежденный танк. Бронированная машина резко дернулась и встала, а затем вспыхнула, словно зажженная спичка. Снаряд, пробив броню, угодил, видимо, в бензобак. Фашисты, ошеломленные внезапным ударом, спустя некоторое время опомнились и открыли бешеный огонь, но танк Коновалова, спешно ретировавшись, был уже вне досягаемости выстрелов из вражеских орудий. На поле боя остались только два подбитых танка с черными крестами. В другом бою им удалось подбить еще один вражеский танк. Когда же имевшаяся боеукладка иссякла, воевать стало нечем. В тот период ощущалась и нехватка бензина для прожорливого Panzer IV. Тогда экипажу Коновалова пришлось пересечь на свой Т-34.

Глава IV.

СТАЛИНГРАДСКИЙ ФРОНТ

Бой у моста

После захвата Миллерова перед наступающими немецкими войсками открылась восточная дорога – на Сталинград и южная – на Кавказ. В конце июля передовые части 62-й и 64-й армии советских войск продолжали оказывать 59

врагу ожесточенное сопротивление на рубеже реки Чир и Цымла. Они выполняли задачу по недопущению форсирования противником реки и прорыва его кратчайшим путем к Сталинграду. Этот город был вынужден, как былинный витязь, стоять на перекрестке дорог и стеречь от коварного врага нашу землю в столь сложных и непростых условиях лета 1942 года.

Немцы спешили захватить переправу через реку Цымла у поселка Чернышковский, который являлся важным стратегическим и транспортным узлом. Цымла (Сым Ла) переводится с тюркского «Много могил». «Ц» появилось в названии реки позже, ее добавили хазарские чиновники, перешедшие на иврит («цыкающий» язык). Глубина реки в то время не превышала трех-четырёх метров, хотя местами доходила и до шести-семи метров. Равнинное течение реки имеет большое количество петель. Кое-где появляются перекаты, где ее можно перейти вброд. По берегам растут вяз, раkitник, местами, чуть дальше от воды, есть и березовые колки. Выдвинувшиеся передовые отряды заграждения должны были вступить в бой с противником по мере его прибытия, заставив развернуть свои боевые порядки и тем самым замедлить продвижение. Командир части послал к мосту навстречу немцам танковый батальон с десантным подразделением.

Времени на обдумывание позиций совершенно не было, поэтому драться пришлось с ходу. И здесь пригодилась тактика лейтенанта Семена Коновалова – его «танго». Танкисты, переходя от одной складки местности к другой, вели огонь с коротких остановок. Сделав несколько выстрелов, они меняли позиции и этим создавали у противника ложное представление о количестве наших танков, не позволяя врагу вести прицельный огонь.

Река Цымла в том месте, где должна была произойти встреча с врагом, имела большую глубину и переправиться можно было только по мосту. Ниже по течению имелся брод, и там была устроена засада из двух танковых взводов. У противника отсутствовали понтонные средства, и все это, конечно же, было учтено при построении обороны. Наши боевые машины располагались очагами и были готовы к открытию огня по вражеским танкам, как только те попытаются форсировать водную преграду.

Начался бой у моста. Враг двинул вперед лавину машин. На них обрушилась огнем засада танкового взвода «тридцатьчетверок» лейтенанта Коновалова. Остальные танки в это время молчали. Немцы осторожничали – не полезли на огонь советских орудий. Они вызвали авиацию и стали бомбить расположение засады. Но там, где начали падать бомбы, наших танков и в помине не было. Они, как сделал у хутора Нижнее Митякинское лейтенант Коновалов,

переместились на другую заранее намеченную и замаскированную позицию. После бомбардировки враг снова сунулся к мосту, но был встречен дружным артиллерийским огнем уже другой засады.

Немецкая авиация снова начала ожесточенные атаки с воздуха, а следом за этим вновь пошли бронированные машины, остервенело ведя огонь по предполагаемым местам нахождения наших танков. Однако танковый батальон стойко отражал все попытки фашистов прорваться, открывая по нему огонь с самых неожиданных направлений. Бой длился уже с самого утра, но враг так и не смог продвинуться около моста ни на метр. Рассредоточенность, скрытый маневр и маскировка позволяли советским танкистам оставаться неуязвимыми под ударами авиации врага.

Временами обстановка сильно обострялась. Танки противника были не в состоянии перейти через реку, но немецкие автоматчики кое-где сумели перебраться на восточный берег. Нащупав засады советских подразделений, они пытались огнем сковать их активность. Нажим со стороны машин врага в такие моменты был очень сильным. Думая, что устойчивость засады ослаблена, фрицы задумали одним рывком овладеть мостом и быстро перекинуться на противоположный берег. Но советские автоматчики под защитой танков отбросили фашистскую пехоту обратно за реку.

День стал подходить к концу, солнце постепенно скатывалось к горизонту. Немцы, видимо, наконец-то нашли брод и заметно активизировались, думая, что там нет советских подразделений. Вскоре целая колонна танков, бронетранспортеров и другой техники рванула от моста к обнаруженному броду. Наступил момент, когда терпеливо ожидавшие этого маневра наши танки открыли шквальный огонь по флангу немецкой колонны из всех своих средств, пренебрегая скрытностью. Тут сразу же ударили и орудия наших танков, расположенных в засаде возле речного брода. Через короткий промежуток времени от прямых попаданий запылали десятки фашистских машин. Танк Коновалова, находясь в засаде, быстро нашел в прицел машину врага и произвел выстрел. Снаряд угодил прямо под башню. Танк содрогнулся и через пару метров встал. Из раскрытого люка повалил густой дым. Экипаж «тридцатьчетверки», продолжая вести огонь, поджег и бронетранспортер. Немцы, огрызаясь, тут же открыли интенсивный ответный огонь. От термитных снарядов, выпущенных из фашистских орудий, загорелись четыре советских танка. В этой перестрелке снаряд, выпущенный с той стороны реки, угодил и в танк лейтенанта Коновалова. Сильный удар по корпусу не только вывел из строя боевую машину, но и ранил осколком командира с наводчиком. После

этого боя лейтенанта Коновалова доставили в лазарет, затем переправили в полевой госпиталь.

В десятиместной палатке госпиталя его разместили рядом с раненым офицером, который уже шел на выздоровление. Ему на вид было около пятидесяти лет. Коновалов, лежа на спине с перебинтованным плечом, легко постанывал при любом неловком движении. Сосед, стараясь особо его не беспокоить, спросил сочувствующим голосом: «Сильно болит, да?.. И где же это вас так зацепило?». Эти слова в какой-то степени вывели Семена Коновалова из того состояния, в котором он пребывал до этого. Ему пришлось вкратце рассказать, как все произошло. После наступила короткая пауза. И тут Коновалов все же решил добавить, что болит-то больше рана не телесная, а душевная. Не смогли ведь они тогда остановить врага. И нашим снова пришлось отступить. «Я понимаю, – снова вступил в разговор сосед. – И у меня ведь она болит. Но я все же думаю, что у немцев скоро пыл иссякнет. И знаете почему так думаю? – спросил он и сам же ответил. – У них каждый как бы сам за себя воюет... Им перед войной много чего пообещали: и молниеносную победу, и несметные богатства... А получают ли они его – это вопрос... Наша страна – это не Западная Европа вовсе... Вот вы еще сами увидите...» Эти слова человека с седеющими волосами и задумчиво-грустными синими глазами как-то успокаивающе подействовали на Семена. После этого разговора ему стало легче переносить и телесные муки. В его терзающей душе стала крепнуть надежда, что он сумеет внести еще немалый вклад в разгром ненавистного врага, который с каждым днем и часом будет чувствовать крах своих победоносных планов. Соседа выписали из госпиталя через пару дней, а ему до полного восстановления пришлось лечиться гораздо дольше, чем он предполагал.

Намереваясь установить утраченную связь с 15-й танковой бригадой, Семен Коновалов написал письмо, которое дошло до воинской части спустя не один месяц. Пришел уже ноябрь 1942 года. В составе 18-го гвардейского танкового полка (10 ноября 1942 года 27-я гвардейская танковая бригада была переименована в 18-й гвардейский танковый полк, который в мае 1943 года вошел в состав 3-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта П.С. Рыбалко) он оказался под Сталинградом. В ту пору, как никогда рано, пришли холода. Таких стылых дней, по словам местных жителей, не было в здешних краях, наверное, лет сто, а может, и больше. Уже в первые дни месяца температура стала опускаться ниже минус десяти градусов. Потемневшая волжская вода стала парить. По реке пошел мелкий лед. Слабый ветер все чаще поднимал к небу над городом багровые языки пламени и черные клубы

дыма, которые уносились ввысь и тянулись далеко над Волгой. С девятого ноября грянули самые настоящие зимние морозы. Температура воздуха с этого дня стала опускаться до минус восемнадцати градусов. Над водной поверхностью реки теперь стали появляться уже крупные льдины, а затем сплошная масса льда стала двигаться по ней без конца. По Волге можно было двигаться только на бронекатере. Враг, провалив октябрьское наступление, готовился предпринять еще один серьезный натиск и овладеть городом, но для этого ему нужны были и силы, и время. Время же тогда стало больше работать на Красную Армию. Даже в изолированных и отрезанных советских частях существовала никем не управляемая связь, которая витала в воздухе и именовалась «солдатским вестником». Эта связь по разным каналам доносила до красноармейцев известие о движении из тыла к Волге и Дону больших сил советских войск. Становилось понятно, что под Сталинградом ожидается масштабное событие, которое должно наконец-то изменить существующее положение в пользу войск Красной Армии.

Командование 15-й танковой бригады после донесения разведки о гибели экипажа танка КВ первой роты первого танкового батальона во главе с лейтенантом Коноваловым в бою с фашистами возле хутора Нижнее Митякинское еще некоторое время выжидало, а потом разослало родным «похоронки». Известие о гибели лейтенанта Коновалова дошло скоро и до деревни Ямбулатово. Сколько же было выплакано слез Акулиной Федоровной после получения вести о гибели и героическом подвиге сына, знала, конечно, только она сама.

Награда нашла героя. В отпуск домой

В наградном листе, оформленном командиром первого танкового батальона 15-й танковой бригады старшим лейтенантом Васильковым 17 ноября 1942 года, говорилось, что 13 июля 1942 года в районе Митякинское-2 КВ лейтенанта Коновалова стоял из-за неисправности после боя. Экипаж своими силами восстановил танк. В это время показались 2 немецкие бронемшины. Товарищ Коновалов немедленно открыл огонь, и 1 машина была поражена, вторая поспешно скрылась. Вслед за бронемшинами показалась движущаяся колонна танков. Сначала 35 машин, а затем еще 40. Противник продвигался к деревне. Лейтенант Коновалов, используя выгодную позицию своего замаскированного танка, решил принять бой. Подпустив первую колонну танков на расстояние 500-600 метров, экипаж КВ открыл огонь. Прямой наводкой было уничтожено 4 танка. Колонна

противника не приняла бой, вернулась обратно. Но через некоторое время развернутым строем деревню атаковали 55 танков противника. Лейтенант Коновалов решил продолжить борьбу с бронированными машинами немецко-фашистских захватчиков, несмотря на такое подавляющее превосходство. Героический экипаж поджег еще 6 танков противника и заставил его вторично откатиться. Враг предпринимает третью атаку. Герои-танкисты, руководимые своим комсомольцем-командиром товарищем Коноваловым, ведут огонь по танкам и машинам противника до последнего снаряда. Они уничтожили еще 6 вражеских танков, одну бронемашину и 8 автомашин с вражескими солдатами и офицерами. «Советская крепость» умолкает. Фашисты открывают огонь из 105-миллиметрового орудия, которое подтягивают к танку на расстоянии 75 метров. Экипаж танка с героем-командиром Коноваловым вместе с танком погиб в этом неравном бою. Защищая нашу Родину от немецких захватчиков, лейтенант Коновалов проявил мужество, непоколебимую стойкость, беззаветный героизм. За героизм, проявленный при защите Родины, товарищ Коновалов достоин посмертно присвоения звания «Герой Советского Союза» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда».

17 ноября 1942 года наградной лист с представлением для награждения подписал командир 15-й танковой бригады майор Савченко В.С.

20 ноября 1942 года наградное представление подписал заместитель командующего танковыми войсками 9-й армии майор Лященко М.И.

26 ноября 1942 года представление к награждению было подписано командующим 9-й армии генерал-майором Коротеевым К.А.

15 февраля 1943 года под текстом «Достоин звания «Герой Советского Союза» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда» свою подпись поставил член Военного Совета Закавказского фронта генерал-майор Ефимов П.И.

31 марта 1943 года появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Герой Советского Союза начальствующему и рядовому составу Красной Армии», подписанный председателем Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин и секретарем Президиума Верховного Совета СССР А. Горкиным, который гласил: «За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда»... Далее обозначен список из пятнадцати человек, где под седьмым номером записано

Для майора Савченко Василия Сидоровича стало полной неожиданностью получение почтовой весточки от лейтенанта Коновалова, которого в воинской части уже давно считали героически погибшим в бою под хутором Нижнее Митякинское. Ведь в именном списке безвозвратных потерь 15-й танковой бригады № 03/17 от 29 декабря 1942 года на тридцать второй позиции значилась фамилия Коновалова С.В. С другой стороны, командир бригады теперь был очень рад тому, что Коновалов не только выжил в жестокой схватке с превосходящими силами противника, но также смог захватить немецкий танк и до сих пор продолжает бить врага. Известие о судьбе Коновалова майор Савченко немедленно довел до командования армии и фронта.

В середине первого весеннего месяца подходила к концу и зимняя кампания Великой Отечественной войны. В историю она вошла прежде всего победой в Сталинградской битве. Другие сражения в тот период как бы оказались в тени. Перед началом апреля советская и германская армии стояли друг напротив друга, как два боксера после тяжелейшего раунда. У них уже не было сил продолжать бой, но они знали, что решающее сражение еще впереди. И они также примерно догадывались, где оно должно произойти.

В первых числах апреля 1943 года в распоряжение 18-го гвардейского танкового полка, куда был зачислен лейтенант Коновалов после выхода на захваченном вражеском танке, для вручения воинской награды прибыл командующий 3-й гвардейской танковой армией генерал-лейтенант Рыбалко П.С. Если раньше награжденные приглашались в Кремль, где награды им вручал «всесоюзный староста» Калинин М.И., а особо отличившихся – лично Сталин, то так долго продолжаться не могло. Количество награждений росло и поездки награжденных в Москву за своими наградами обременяли как самих героев, так и высшее руководство страны. Долгий процесс прохождения наградных бумаг через инстанции, ожидание okazji съездить получить награду обесценивало их. Терялся воспитательный смысл награды. Поэтому 19 августа 1941 года появился Указ Президиума Верховного Совета СССР (приказ НКО № 272 от 19.08.1941), где военным советам фронтов и армий предоставлялось право вручать награды от имени Верховного Совета, а вручение производить непосредственно в части. Сама же процедура – представление к награде,хождение наградных документов по инстанциям, издание Указа Президиума Верховного Совета – оставалась прежней. Награда и удостоверение к ней из Москвы пересылались в штаб фронта или армии, где командующий и вручал ее герою.

В тот день перед выстроившимся личным составом 18-го гвардейского танкового полка был зачитан текст Особой грамоты Президиума Верховного Совета СССР (Большая грамота) о награждении лейтенанта Коновалова Семена Васильевича высшей наградой СССР с вручением знака особого отличия. Генерал-лейтенант Рыбалко П.С. извлек из красных коробочек орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» под номером 1019. Затем он прикрепил их на грудь стоявшего перед строем смущенного, но переполненного внутренней радостью Семена Коновалова. Вручив Малую грамоту (удостоверение Героя Советского Союза) и орденскую книжку, командующий крепко пожал ему руку. Перед тем как встать в строй Коновалов звонко отчеканил: «Служу Советскому Союзу!».

Пока на фронте было затишье, Коновалову дали отпуск. Окрыленный полученной высокой правительственной наградой, он поспешил в родные края, где в это время на полях еще местами лежал снег, а реки томились под толстым слоем льда, несмотря на греющие и остро-сверлящие лучи весеннего солнца. До Верхнего Услона из Казани он добрался только ближе к вечеру. Предстояло пройти пешком еще не менее тридцати пяти километров. Но его душа рвалась домой, и он размашистыми шагами по прямой почти бежал в Ямбулатово. Добрался до деревни ближе к ночи, когда и очертания домов различались лишь кое-как. Дойдя до крыльца родного отеческого дома, поставленного еще

*Лейтенант Семен Коновалов –
Герой Советского Союза*

в 1905 году, он ощутил, как в груди сердце сжалось от нахлынувших и радостных, и горьких чувств. Низенький дом под соломенной крышей с небольшими окнами вызвал в нем жалость. «А ведь я когда-то пытался с крыши этого дома совершить «полет», – вдруг вспомнилось ему. Да, он теперь совершил полет, но не такой, о котором он так мечтал в детстве. Ему удалось достичь такой высоты, о которой он, может быть, и не думал вовсе.

Постучал в окно с колотящимся от волнения сердцем. «Кто там?» – послышался из темноты близкий и родной голос матери, по которому он так истосковался за эти годы. «Это я, Семен, – произнес взволнованно-дрожащим голосом Коновалов и добавил. – Ваш сын». «Нет у меня сына, он погиб... вот и похоронка на него», – проговорила еще не отошедшая от горестного известия о своем сыне Акулина Федоровна. Но Семен неумолимо стал твердить: «Да нет, мама, я живой!.. Живой! Это ошибка... Вот же я перед тобой!». Только после этих настойчивых слов она наконец-то решилась открыть дверь «ночному незнакомцу». Видимо, материнское сердце все же почуяло, как рвется к ней ее сын, которого она считала погибшим. Открыв дверь, она сразу же оказалась в его объятиях и горько разрыдалась от нахлынувших чувств радости. Семен как ни крепился, но и у него поползли, скатываясь по щекам, соленые капли, которые и невозможно, и не нужно было останавливать, хотя там, на фронте, он себе этого не позволял, потому что от слез начинает слабеть дух. Ведь на войне никак нельзя быть слабым... Акулина Федоровна, когда сели за стол, не отрываясь смотрела на Семена и говорила, говорила обо всем, что накопилось в ее душе за то время, пока они не виделись. И опять в глазах мамы Семен заметил слезы. При виде постоянно появляющейся мокроты под глазами мамы у Коновалова в памяти невольно всплыла картина с продрогшей, не переставая плачущей молодой женщиной, когда его, тонущего в Финском заливе, подобрал катер. Он ведь тогда удивился: откуда у человека может быть столько слез. Теперь он предположил, что они, наверное, бывают из-за сильного волнения души – только она так может плакать... Разговаривали они и о Порфирии. Мать с тревогой сообщила сыну, что от Порфирия давно нет писем. По ее словам он прислал полгода назад первую и последнюю весточку и с тех пор молчит.

На следующий день утром, узнав о прибытии в отпуск Семена Коновалова, в их доме собралась вся родня. Сбежались и односельчане поглядеть на героя-фронтовика. Они интересовались, как и за что наградили его звездой Героя, а также расспрашивали о том, не пересекались ли его пути-дорожки с их родственниками. Дети от большого любопытства к сверкающим на его груди наградам просили разрешения хоть чуть-чуть притронуться к ним.

Время двухсуточного отпуска пролетело быстро и незаметно. Пора было собираться и в обратную дорогу – на фронт. Прощаясь с мамой, Семен Коновалов как бы заново ощутил и осознал то великое и безмерное чувство материнской любви, которое дает детям столько сил, столько энергии, чтобы

Семен Коновалов со Звездой Героя

Фото на память с родственниками

Семен Коновалов с родственниками (д. Ямбулатово, снимок послевоенных лет)

Снова фронт. Участие в битве на Курской дуге

*С.В. Коновалов
в годы Великой Отечественной войны*

В апреле 1943 года командованием Красной Армии был сделан вывод, что вермахт после распутицы, скорее всего уже в начале мая, начнет наступление с целью ликвидации Курского выступа. Было выработано решение о переходе к стратегической обороне. В конце апреля 1943 года Ставка Верховного Главнокомандования утвердила общий замысел Курской стратегической оборонной операции и отдала приказ, чтобы полностью подготовить войска к отражению удара немцев.

Семену Коновалову после отпуска было присвоено звание старшего лейтенанта, и он принял под командование танковую роту, состоящую в основном из «тридцатьчетверок». В составе 18-го гвардейского полка рота Коновалова во время Курской битвы сражалась в Орловско-Харьковском направлении. Пробивая дорогу к Орлу, они успешно форсировали несколько водных преград и, обходя значительные очаги сопротивления фашистских войск, прошли с боями более четырехсот километров. В результате этого танкового рейда оборона немцев была прорвана и возникла серьезная опасность рассеяния их войск. Действия немецкого командования в тот период больше походило на попытку решить проблему, создавая новую, приводящую к еще худшему результату. Все это напоминало латание прорех в «тришкином кафтане», потому что они ничего серьезного не могли противопоставить наступающим танковым частям советских войск.

В начале августа развернулась ожесточенная борьба на подступах к городу Орлу, превращенному гитлеровцами в мощный узел сопротивления. Ненастная погода, сильные проливные дожди и сплошные минные поля не помешали передовым частям 3-й армии вплотную подойти к Орлу. Танковая рота старшего лейтенанта Коновалова в числе первых ворвалась на позиции противника, и на рассвете пятого августа 1943 года город Орел был полностью освобожден от врага.

Восстановив технику после тяжелой Орловской военной операции, в сентябре 1943 года 3-я гвардейская танковая армия устремилась к

Днепру за отступающими немецкими частями (в своих воспоминаниях Семен Васильевич Коновалов, оценивая битву за Днепр, отмечал, что «ненасытный до людских жизней» Днепр поглотил слишком много бойцов Красной Армии). Под вражескими снарядами и бомбами саперы за две недели построили мост через реку, дали возможность танкистам генерала Рыбалко переправиться на другой берег и закрепиться на Букринском плацдарме. Попытка наступать с него оказалась не совсем удачной, поэтому командование приняло решение о переброске 3-й гвардейской танковой армии на более выгодный участок. Оставив на прежнем месте макеты танков, работающие радиостанции, чтобы ввести противника в заблуждение, армия Рыбалко переправилось обратно на «советский» берег Днепра и вышла на плацдарм севернее Киева. Этот обманный маневр дал возможность 3-й гвардейской танковой армии подойти скрытно туда, где немцы не ожидали появления наших войск. После внезапного удара 3-й гвардейской танковой армии совместно с другими частями советских войск удалось полностью освободить Киев от фашистов. Потеряв город, немцы попытались отбить его, но упорной и грамотной обороной советских частей Киев удалось отстоять.

При освобождении столицы Украины танкисты роты Коновалова были на острие атаки. Они ринулись на позиции врага, и в это время появились два «мессера», которые, противно гудя, неслись навстречу выдвинувшейся на передовые позиции танковой роте Коновалова. Вражеские самолеты вначале открыли огонь из пулеметов, поднимая вокруг боевых машин фонтанчики земли и выбивая искры на броне советских танков, быстро идущих на позицию врага. Затем от «мессеров» отделились авиабомбы. Одна из них шарахнула метрах в десяти за кормой командирского танка, не причинив никакого вреда боевой технике. Соседний танк успел съехать в сторону и укрылся в балке, а потом выскочил и понесся навстречу вражеским машинам, занимавшим в это время боевую позицию для контратаки. Немецкие самолеты отстрелялись и отбомбились. И теперь предстояло встретиться с тяжелыми танками врага, чьи контуры с необычными формами стали выделяться уже издалека, поражая и своими размерами. «Это что-то новое», – подумал старший лейтенант Коновалов, отдавая приказ наводчику и заряжающему открыть огонь броней по первому же танку противника. Выпущенный снаряд тупо ударил в башню, но вражеский танк даже не остановился. Еще выстрел, и снова только сноп искр – снаряды не могли пробить лобовую часть этой пятидесятисемитонной махины. Здесь Коноваловский Т-34 впервые встретился лицом к лицу с немецким танком «Тигр». Броня этих немецких «кошек» спереди 71

имела толщину 100 мм. Другой такой же немецкий танк остановился и двумя выстрелами из 88-миллиметрового орудия поджег два танка из роты Коновалова. Пока первый танк целился в командирскую «тридцатьчетверку», Коновалов успел дать команду водителю немедленно укрыться в балке. Их спасло только это. Через несколько минут, пока советский Т-34 немцы потеряли из виду, он вновь выкатился на огневую позицию и ударил бронбойным из 76-миллиметрового орудия в борт «Тигра». Танк загорелся. Экипаж заликовал – впервые подбили вражескую «кошку». Но подставляться и дальше под удар превосходящей техники немцев не было смысла, и наши танки отступили. Теперь в дело вступили артиллеристы.

Глава V.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВОЙНЫ Освобождение Польши. Силезия

Летом 1944 года 3-я гвардейская танковая армия освободила Перемышль и Львов, после чего броском через горы и реки открыла советским войскам дорогу в Польшу. Много раз наши танкисты упреждали немцев в занятии важных рубежей. Во время боев на Сандомирском плацдарме в битве с тяжелыми немецкими танками Коновалов получил легкое ранение, но остался в строю. В то время его экипаж успешно освоил новую боевую машину Т-34-85. Такой танк отличался усиленным лобовым бронированием за счет снижения кормы и баками, перенесенными из боевого отделения в корму. Эти танки приняли на вооружение Красной Армии Постановлением ГКО № 5021 от 23 января 1944 года. Они, в отличие от предыдущей модификации, имели и 85-миллиметровую пушку для борьбы с тяжелыми танками врага. К концу Сандомирской операции в бою с танками и артиллерией 3-й танковой гвардейской армии немцы безвозвратно потеряли двадцать два «Королевских тигра».

Коновалов чувствовал, как к концу войны все сильно изменилось с поступлением на вооружение Красной Армии новой, более современной техники. Размышляя о прошлом, он на миг представил, как радовался, когда только что освоил новый танк БТ-7. Лобовая броня толще, чем у БТ-5, башня обтекаемая и скорость приличная. Мощный мотор, башня с хорошей пушкой и пулеметом казались Коновалову лучше, чем у наших вероятных противников, с которыми предстояло сразиться, коли начнется война. Но первый же бой с немцами в начале войны показал, что и у противника техника несколько не хуже, а выучка у них даже лучше и тягаться с ними очень сложно... Коновалову припомнилось то, что после памятного боя под хутором Нижнее Митякинское

он не раз задумывался над тем, что будь у Красной Армии побольше современных танков, в достаточном количестве автоматического оружия, то и результат первых дней войны мог быть иным. А если бы сумели укрепить до начала военных действий новые рубежи, то, вероятнее всего, не было бы и таких огромных потерь как среди военных, так и среди гражданского населения. Если бы...

Теперь впереди были уже бои в Силезии. Генерал Рыбалко тщательно готовил своих людей к предстоящим сражениям. Павел Семенович Рыбалко был очень внимателен к быту рядового состава и особенно бережно обходился с молодыми ребятами из пополнения, которые прибывали в армию. Генерал никогда не панибратствовал, но мог запросто зайти к бойцам в землянку, раскурить самокруточку, потолковать по душам, за что его солдаты между собой звали Батька.

Бойцы усиленно тренировались преодолевать хорошо подготовленную оборону, быстро строить мосты, вести танки по сложным грунтам. И результат, конечно же, был очевидным: армия могла наступать круглые сутки и успешно воевать даже ночью.

В Берлинской операции 3-я гвардейская танковая армия сначала форсировала реки Нейсе и Шпрее. Танки не просто наступали сами, а «протаскивали» вперед пехоту, разменивая машины на человеческие жизни. Эрзац-машины никак не могли быть дороже, чем жизнь солдат. Несмотря на огонь врага, мины, надлобы, каналы и другие сложные препятствия, танкисты 3-й гвардейской танковой армии медленно двигались вперед, приближая час победы над ненавистным врагом. И здесь Семену Коновалову снова не повезло – он получил еще одно легкое касательное ранение.

С.В. Коновалов в одном из освобожденных городов Европы

Встреча на Эльбе

Страшная война в Европе подходила к концу. 13 апреля 1945 года Красная Армия, очистив от гитлеровцев Балканы и часть Центральной Европы вместе с Будапештом, заняла Вену. 16 апреля советские войска приступили к операции по взятию Берлина. 25 апреля, окружая столицу поверженного рейха, они вошли в контакт с американскими частями на Эльбе. Этот день хорошо запомнился гвардии майору, командиру танкового батальона Семену Васильевичу Коновалову, потому что встреча союзников была очень теплой и открытой. Позже, вспоминая былое, он рассказывал: «Мы обнимались, пели песни, пили за встречу, за предстоящую полную победу над фашизмом, хотя война еще не закончилась и продолжалась, унося человеческие жизни. Американцы предлагали нам виски, а мы им – чистейший спирт. На закуску они нам протягивали шоколадные плитки, галеты, а мы им – ржаной хлеб. Звучали аккордеон и балалайка. Все танцевали. Было удивительное зрелище. Янки хвастались, что именно они одержали победу над немцами, а мы только улыбались этому заявлению, зная, что именно Советский Союз разгромил фашистские войска в трудных кровопролитных сражениях. Некоторые американцы все же восхищались подвигами Красной Армии, оттянувшей на себя основную часть немецких войск. Они очень хотели увидеть своими глазами и понять русских как людей. А еще они жаждали заполучить какие-нибудь сувениры. Большое любопытство было и с нашей стороны. В ходе войны, глядя в лицо смерти почти каждый день, мы научились никого и ничего не бояться, раскрепостились, ощутили свободу, ограниченную только разумной военной дисциплиной. Потому, обнимаясь с американцами, мы поздравляли друг друга искренне, потому что это была наша общая победа. Мы ведь отлично знали, что Америка поставляла в Красную Армию прекрасные грузовики, танки, самолеты, лекарства, продовольствие, в том числе знаменитую тушенку, которую прозвали «вторым фронтом», столь выручавшую нас в первые военные годы».

Глава VI.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К МИРНОЙ ЖИЗНИ

Участие в Параде Победы

Отстремели последние залпы Великой Отечественной войны. Наступил долгожданный мир. Советский народ получил наконец-то возможность вернуться к нормальной жизни и продолжить прерванную войной созидательную работу.

В конце мая 1945 года по указанию Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина началась подготовка к Параду Победы. Сталин сразу отметил,

Участники Парада Победы бросают знамена побежденной гитлеровской армии к подножию Мавзолея. Среди них – гвардии майор, Герой Советского Союза Семен Коновалов

что на парад надо вынести гитлеровские знамена и с позором повергнуть их к ногам победителей. Идея «публичной казни» вражеских знамен заимствована была им у великого полководца Александра Васильевича Суворова, в войсках которого был ритуал «небрежения не к неприятелю, а к его поверженным военным отличиям». Так поступали когда-то и легионеры Древнего Рима после победы над врагом. Для проведения церемонии по повержению вражеских знамен и штандартов было специально отобрано двести военнослужащих, проявивших в боях мужество и имевших боевые награды. Половина бойцов были из действующей армии. В их числе оказался и гвардии майор, Герой Советского Союза Семен Васильевич Коновалов. Он был на левом фланге во второй коробке. В первой были военнослужащие из роты Почетного караула. Вспоминая подготовку к параду, Семен Васильевич рассказывал: «Для тренировки на поле Центрального аэропорта был сооружен макет Мавзолея. Началась изнурительная муштровка под руководством строевика старшего лейтенанта Вовка. Мы ведь за годы войны почти совсем разучились ходить строевым шагом. В самом начале мы толком не знали, как следует повергнуть знамена и штандарты врага. Однажды генерал, присутствовавший во время очередной

тренировки, выразил особое неудовольствие: «Что это вы фашистские знамена складываете перед Мавзолеем? Их швырять надо, а не складывать!». И потом уже мы их стали швырять просто так, считая, что по-другому и быть не должно. А гитлеровские знамена были значительно тяжелее, чем наши. Нацисты их скрепляли к древкам металлом и увенчивали навершием из литого металла. Швырять такую штукину было не так-то просто. Эти знамена в конце тренировки мы стали бросать как старые ненужные веники».

24 июня 1945 года на Красной площади Москвы прошел исторический парад в честь победы СССР над Германией в Великой Отечественной войне. Специально для этого из поверженной вражеской столицы было доставлено Знамя Победы, водруженное над Рейхстагом. Для участия на параде от десяти фронтов и военно-морского флота были собраны сводные полки, укомплектованные рядовыми, сержантами и офицерами различных родов войск, отличившимися в боях и имевшими боевые ордена. Парад начался в десять часов, а за пятнадцать минут до этого пошел дождь, который продолжался до самого вечера, словно в этот день Родина оплакивала своих сыновей и дочерей, не вернувшихся с поля брани. Так думали, наверное, все, кто был на этом мероприятии. Красная площадь была богато украшена алыми победными знаменами и цветами. После прохождения сводных полков внезапно смолк оркестр, а потом под громкую дробь восьмидесяти барабанов к Мавзолею подошла колонна с захваченными вражескими знаменами и начался ритуал повержения символов, которые теперь лишь напоминали о былых полках и дивизиях Третьего рейха.

Парад Победы в Москве 24 июня 1945 года продемонстрировал всему миру обретенную в великих сражениях Отечественной войны силу и мощь Красной Армии. Семен Васильевич Коновалов мог уверенно и твердо сказать, что в победу над злейшим врагом человечества, фашизмом, он внес свой особый и достойный вклад. На его груди помимо ордена Ленина, звезды Героя Советского Союза сияли еще медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги» и орден Отечественной войны I степени.

Судьба Героя в послевоенные годы

В 1946 году Семен Васильевич Коновалов уволился из Красной Армии в запас. Все эти годы, не переставая, его мучили думы о судьбе брата-близнеца Порфирия, который официально считался пропавшим без вести на войне. Сделав запрос в Центральный архив МО СССР, он через определенное время получил ответ. В полученном письменном сообщении говорилось, что рядовой

Коновалов Порфирий Васильевич героически сражался в рядах Красной Армии против немецко-фашистских захватчиков, что погиб летом 1941 года и похоронен в братской могиле.

Майор Советской Армии С.В. Коновалов

На гражданке Семену Васильевичу пришлось быть недолго. В 1950 году майора запаса Коновалова С.В. снова призывают в армию. В это время приходится служить на Дальнем Востоке и передавать боевой опыт молодому поколению, пришедшему в Красную Армию. В том же году он становится слушателем Центральных бронетанковых ордена Ленина Краснознаменных курсов усовершенствования офицерского состава имени В.М. Молотова в Ленинграде. В период учебы он знакомится с голубоглазой, светловолосой Надеждой Трофи-

Семен Коновалов (справа во втором ряду) и его супруга Надежда с дочерью Ириной (справа в первом ряду) с сослуживцами, г. Овруч Житомирской области, 1954 г.

мовой, родом из г. Калинина (ныне Тверь). Она работала в ателье мод. С первой встречи они полюбили друг друга. По завершении курсов в 1952 году майору Коновалову присвоили очередное воинское звание подполковника и направили в город Овруч Житомирской области для прохождения дальнейшей службы. На прощание он оставил Надежде памятную фотографию со словами: «Наде

от Сени К. Когда тебе будет тяжело, вспоминай меня! Я никогда не падал духом, защищая Родину и тех, кто так искренне любит мать-Отчизну!». В 1953 году молодые снова встретились и связали свои отношения брачными узами. В 1954 году у них родилась дочь Ирина.

С дочкой Ириной

*Семья Коноваловых
на отдыхе*

В кругу родных

*Семья Коноваловых:
в первом ряду – супруга Надежда
Яковлевна, внук Юрий, Семен
Васильевич, во втором ряду – зять
Игорь и дочь Ирина*

В Вооруженных силах СССР на 1 марта 1953 года насчитывалось свыше 5 миллионов человек. Тогда уже было ясно, что дальше содержать армию по штатам военного времени стало невозможно. И в 1955 году министром обороны СССР Жуковым Г.К. было инициировано сокращение почти на треть Советских Вооруженных сил. Из армии и флота в тот период было уволено свыше одного миллиона триста тысяч солдат и офицеров.

В 1956 году попал под это сокращение и подполковник С.В. Коновалов. После увольнения из армии семья Коноваловых переехала в Казань. Семен Васильевич устроился на работу инженером-механиком на завод электронных вычислительных машин, где проработал свыше двадцати пяти лет. Здесь же трудилась и его супруга Надежда Яковлевна. Исключительный аккуратист и трудоголик, он был достойным примером для тех, кто находился с ним рядом.

И на субботнике С.В. Коновалов в передних рядах

С.В. Коновалов (в центре) и его друг, Герой Советского Союза, уроженец п. Урмары Чувашской Республики, летчик-штурмовик А.С. Казаков (второй справа) на первомайской демонстрации

На встрече ветеранов (в первом ряду четвертый слева – С.В. Коновалов)

С коллегами по работе на Казанском заводе ЭВМ

Семен Васильевич всю жизнь оставался человеком принципиальным, откровенным и честным. Кредо Семена Васильевича зиждилось прежде всего на его проверенном временем правильном воспитании и богатом жизненном опыте. Уже будучи на заслуженном отдыхе, Семен Васильевич часто встречался с молодежью, где, не переставая, делился своими познаниями, как нужно любить Родину и как ее следует защищать в годину нелегких трудных испытаний.

*Легендарный
танкист в гостях
у пионеров*

*Фотография на
память
с учениками
4А класса
средней школы
№15,
г. Казань. 1972 г.*

*С.В. Коновалов на встрече
с молодежью. г. Казань*

Два Героя

*Есть о чем поговорить
ветеранам*

*В санатории «Горное солнце» в г. Алушке.
Слева – главный врач здравницы Ф.С. Шелест*

На отдыхе в одном из санаториев Пятигорска, 1972 г.

На отдыхе на курорте Цхалтубо. 1977 г.

Одна из последних фотографий Семена Васильевича

Ушел из жизни Семен Васильевич Коновалов 4 апреля 1989 года. Прощались с ним не только родные и близкие люди, но и пробуждающаяся от зимней спячки сама природа: бесшумно и грустно тянулись с небес до земли серебристые нити легкого весеннего дождя, едва касаясь ветвями окон его квартиры, о чем-то тихо шептались на понятном только им языке две подросшие белоствольные березки, посаженные Семеном Васильевичем еще при заселении в этот дом.

В музее завода электронных вычислительных машин открыта постоянно действующая экспозиция, посвященная Герою Советского Союза Семену Васильевичу Коновалову. Для увековечения его памяти улица Владимирская Советского района города Казани переименована в улицу С.В. Коновалова. Осенью 2019 года состоялось торжественное открытие мемориальной доски на доме, где проживал Семен Васильевич Коновалов в последние годы.

В Казани на территории высшего танкового командного Краснознаменного училища и в районном центре Верхний Услон установлены бронзовые бюсты Героя Советского Союза Семена Васильевича Коновалова.

Начальник Казанского танкового командного училища генерал-майор К.Д. Кулаков (слева) и руководитель проекта «Аллея Российской Славы» М.Л. Сердюков у бронзового бюста С.В. Коновалова. г. Казань

*Бронзовый бюст Герою Советского Союза С.В. Коновалову
установлен и в районном центре Верхний Услон*

*Дочь Героя во время открытия мемориальной доски на доме,
где жил отважный танкист*

Послесловие от автора

В Ямбулатове помнят и не забывают своего земляка – Героя Советского Союза Семена Васильевича Коновалова, совершившего незабываемый и небезызвестный подвиг во время Великой Отечественной войны 13 июля 1942 года под хутором Нижнее Митякинское Тарасовского района Ростовской области. Главная улица деревни носит имя прославленного земляка. На памятнике, посвященном односельчанам, участникам Великой Отечественной войны установлена мемориальная доска. Сегодня на его родине почти не осталось тех, кто знал его очень близко и общался с ним.

Побывав в этой деревне, мне удалось встретиться с Натальей Викторовной Гуциной, которая заведует сельским клубом. Она имеет достаточно много сведений о Семене Васильевиче, поскольку ее супруг Николай Гущин является его внучатым племянником. Много собрано

интересного материала о Семене Васильевиче Лидоновой Любовью Ивановной, заведующей сельской библиотекой. Обе они скрупулезно, со всеми подробностями рассказали мне о земляке-герое, показали то место, где когда-то стоял дом Коноваловых и где прожила свои последние дни мать Семена Васильевича – Акулина Федоровна. Она скончалась в 1965 году в возрасте восьмидесяти четырех лет.

Автор книги В.М. Кашкаров и заведующая сельской библиотекой в д. Ямбулатово Л.И. Лидонова у стенда, посвященного С.В. Коновалову

На месте их дома стоит теперь только осиротевшая, качающая своими ветвями при любом дуновении ветра одинокая черемуха. Время было осеннее, и потому все смотрелось в грустных и не совсем веселых тонах.

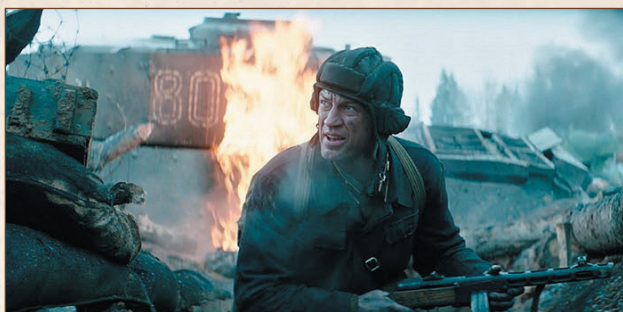
В музее Шимкуской средней школы Янтиковского района Чувашской Республики (ребята из д. Ямбулатово, где родился отец легендарного танкиста, тоже учатся здесь) имеется стенд, посвященный Герою Советского Союза С.В. Коновалову.

Директор Шимкуской средней школы Емельянова Е.С. знакомит с родословной семьи Коноваловых

25 октября 2018 года на экраны страны вышла картина Константина Максимова «Несокрушимый». В основе фильма лежит реальная история уникального подвига экипажа танка КВ-1 под командованием лейтенанта Семена Коновалова, принявшего неравный бой в районе хутора Нижнее Митякинское Тарасовского района Ростовской области, и уничтожившего 16 танков, 2 бронемшины и 8 автомашин с живой силой противника. Это история не плакатных героев, а настоящих парней, которые просто хотели жить, но в решающую минуту сумели принять единственно верное решение и совершить подвиг, достойный легенды. Специально для картины были воссозданы легендарные советские танки – КВ-1, Т-34 и немецкие «Пантеры».

Больше и лучше рассказать о жизни родного и близкого человека смогла, пожалуй, дочь, Ирина Семеновна Бродская, которая очень гордится своим отцом и чтит о нем память. При встрече с большой любовью и нежностью поделилась она воспоминаниями об отце, матери и родственниках.

Дочь Героя Ирина Семеновна знакомит с домашним фотоархивом

Ирина Семеновна со всеми подробностями изложила многие факты из жизни Семена Васильевича, которые вошли в эту книгу. С особой теплотой о любимом деду говорил и его внук Юрий, который гордится им безмерно.

Семен Васильевич с любимым внуком Юрой

*Герои Советского Союза у памятника Мусы Джалиля
(второй справа - С.В. Коновалов), г. Казань*

*И.С. Бродская (Коновалова) в музее отца
в д. Ямбулатово Верхнеуслонского района Республики Татарстан*

Содержание

К читателям	3
Глава I. Начало	
Ямбулатово. Исторический аспект	4
Коноваловы. Детские и юношеские годы Семена	7
Выбор жизненного пути	14
Глава II. Испытание на прочность	
Точка отсчета. Боевое ранение	17
Эвакуация из Таллина. Госпиталь	23
Архангельск, 45-й учебный танковый полк	25
Снова фронт. Командир танка KB-1	27
Глава III. Момент истины	
Юго-Западный фронт. 15-я танковая бригада	29
«Танго над пропастью». Подвиг экипажа KB-1	33
Страшная потеря и чудесное спасение	43
Выход к своим на захваченном вражеском танке	53
Глава IV. Сталинградский фронт	
Бой у моста	59
Награда нашла героя. В отпуске домой	63
Снова фронт. Участие в битве на Курской дуге	70
Глава V. Последние битвы войны	
Освобождение Польши. Силезия	72
Встреча на Эльбе	74
Глава VI. Возвращение к мирной жизни	
Участие в Параде Победы	74
Судьба Героя в послевоенные годы	76
Послесловие от автора	88

**Книга основана на подлинных документальных
материалах и рассказах хорошо знавших
Семена Васильевича Коновалова людей.**

Автор выражает искреннюю благодарность
за помощь в подготовке книги в печать

ШАДРИКОВУ Александру Валерьевичу,
министру экологии и природных ресурсов Республики Татарстан,

АХМЕТШИНУ Алмазу Салимовичу,
главе Нурлатского муниципального района и города Нурлат
Республики Татарстан,

ПАНКОВУ Вячеславу Георгиевичу,
генеральному директору ООО «СК «Премьер-Сити»,

БРОДСКОЙ Ирине Семеновне,
дочери Коновалова Семена Васильевича,

ВРАЖКИНУ Александру Николаевичу,
директору – главному редактору
ООО «Издательская группа «СВ-Пресс».

Книга издана при финансовой поддержке
местного общественного фонда «Благодеение»
(Республика Татарстан, Дрожжановский район, с. Алешкин-Саплык).

Кашкаров Владимир Михайлович
ТАНГО НАД ПРОПАСТЬЮ

В книге использованы фотографии из личных архивов
И.С. Бродской, А.Н. Вражкина, интернет-ресурсов.

Редактор А.Н. Вражкин
Дизайн, верстка В.А. Колосов
Корректор Н.Е. Русакова

ООО «Издательская группа «СВ-Пресс»
428013, г. Чебоксары, ул. Калинина, 66
Тел. (8352) 63-07-28. E-mail: sv-press@mail.ru

Отпечатано в ООО «Типография «Перфектум»
428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 52
Тел. (8352) 32-05-01

Подписано в печать 01.07.2021.
Формат 60x84/16. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Физ. печ. л. ... Тираж 500 экз. Заказ №